



Женщины АБСОЛЮТА



ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
И НАСТАВЛЕНИЕ
ЖЕНЩИН-СВЯТЫХ
РАЗНЫХ ДУХОВНЫХ
ТРАДИЦИЙ МИРА



ЛАЛЛЕШВАРИ
ПЕЛАГИЯ
ХАЗРАТ БАБАДЖИ
АНАНДАМАЙИ
АНАСУЯ ДЭВИ
ШЬЯМА МАТАДЖИ
КРИШНАВАТИ



ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Константин Кравчук
Женщины Абсолюта
Серия «Источники живой истины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333207
Женщины Абсолюта: Ганга; Москва; 2014
ISBN 978-5-906154-64-4

Аннотация

В книгу включены истории жизни и наставления семи очень необычных женщин, представляющих различные духовные традиции, живших в разные исторические периоды. У столь непохожих друг на друга, у них есть одно общее качество – опьяненность Богом и поглощенность Им.

Глубоко почитаемые в духовном мире, они несут свет истинного постижения, демонстрируя своим примером возможность раскрытия бесконечного потенциала, скрытого в каждом человеке.

Содержание

Предисловие редактора	4
Лаллешвари	5
Наставления Лаллы	12
Хвала Лалле[17]	20
Пелагия	22
О «преемнице» Пелагии	33
Хазрат Бабаджан	35
Побег из Белуджистана	37
Кутб Маула Шах	38
Мекка и Медина	39
Гулрух убита	40
Путешествие в Аравию	41
Аджмер и Пуна	42
Чар Бавди	43
Окружение дерева ним	44
Царь-дервиш	45
«Амма Сахиб»	46
Совершенные пути Учителя	47
Анандамайи Ма	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Женщины Абсолюта (редактор-составитель К. Кравчук)

Предисловие редактора

*Сделай свое сердце местом поклонения Любви,
Заполни его благоуханием покоя,
Зажги в нем светильник мудрости,
Укрась его цветами радости.
И тогда высший экстаз полностью завладеет тобой
И сделает образом самого Бога.*

Папа Рамдас

Так уж сложилась, что на духовном поприще у нас царят в основном мужчины – они основывают религии, создают всевозможные учения, пишут тексты, комментарии к ним, комментарии к комментариям, сравнивают и категоризируют, отстаивают свою правоту в нескончаемых интеллектуальных баталиях, фехтуя оружием логики и «здорового смысла», доказывают превосходство своих доктрин, поучают, наставляют.

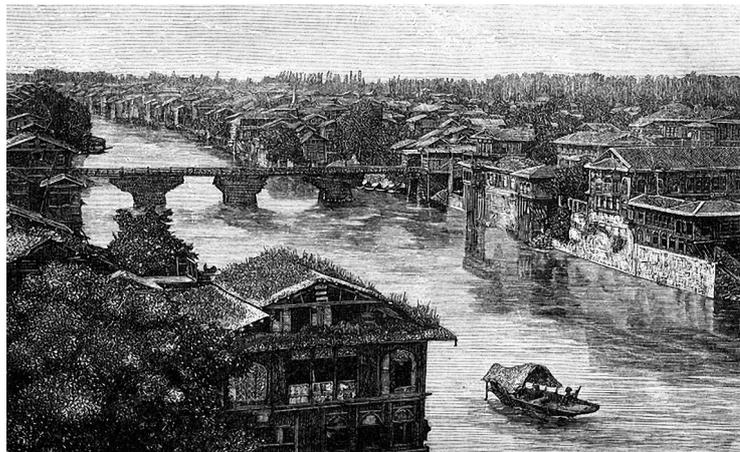
Женщинам же активность такого рода не свойственна, и они редко получают широкую известность в роли духовного учителя или лидера.

И потому складывается впечатление, что духовных высот достигают, как правило, мужчины. Но это не так.

В этот сборник включены истории жизни и наставления семи очень необычных женщин, принадлежащих разным эпохам. У них, столь непохожих друг на друга, есть одно общее качество – опьяненность Богом и поглощенность Им.

Они – редкие цветы, источающие благоухание несомненного глубокого постижения, не нуждающегося ни в какой категоризации, не застывающего ни в какую доктрину. И благоухание это распространяется путями Любви, которые, как говорят, неисповедимы.

Лаллешвари



Изображений Лаллешвари не сохранилось. На рисунке кашмирская столица Шринагар (гравюра 1877 г.)

Лалла – яркая звезда в плеяде поэтов-мистиков средневековой Индии, таких как Мирабаи, Кабир, Тулсидас, создательница мистической поэзии *вакх*¹, оказавшая сильное влияние на развитие кашмирской литературы. Вышедшая за ограничения отнесения себя к тому или иному религиозному направлению, она равно высоко почитается и мистиками-индуистами, и суфиями, и иными ищущими подлинное.

Лалла появилась на свет в брахманской семье в Кашмире в начале XIV века и оставила тело приблизительно в 1370–х годах. Ее точные даты рождения и смерти неизвестны. В возрасте 12 лет ее выдали замуж и дали ей новое имя – Падмавати. Однако в своих стихах она использует только свое имя до замужества – Лалла. В народной памяти она предстает под двумя именами – Лаллешвари и Лал Дэд (Мать). В персидских летописях она известна как Лалла Арифа. Ее замужество не было счастливым – свекровь обращалась с ней очень жестко, а муж часто впадал в ярость и вымещал ее на жене. В доме мужа ее никогда не кормили вдоволь.

На обед свекровь подавала ей на тарелке камень, прикрыв его тонким слоем риса, так что порция выглядела большой. Лалла молча, безропотно съедала поданное «блюдо».

Уже в раннем возрасте привлеченная к духовному поиску, Лалла была погруженной в себя и не выказывала интереса к мирскому. Сиддха Шрикантха, учитель кашмирского шиваизма, посвятил ее в *шайва*-йогу. Начав практику и продвинувшись в ней, она превзошла своего учителя.

Согласно легенде, Лалла ходила перед рассветом к реке с кувшином – принести воды. Перед тем как наполнить кувшин водой и вернуться с ним обратно, она пересекала реку – почтить святыню Натха Кешава Бхайравы. Заподозрив ее в неверности, в один из дней муж тайно последовал за ней. Он обнаружил ее сидящей в одиночестве на берегу реки и медитирующей. Придя в ярость от увиденного, он вернулся домой. Когда Лалла подошла к дому с кувшином воды на голове, муж в гневе ударил по нему палкой. Кувшин разбился, но, по легенде, вода чудесным образом не пролилась, а осталась у нее на голове. Лалла невозмутимо вошла в дом и разлила воду по всем сосудам, наполнив их до краев. Оставшуюся воду

¹ Буквально «речь». – Здесь и далее примечания редактора.

она вынесла наружу и выплеснула на землю – там образовался пруд². После этого случая она оставила дом и семью, став бродячим аскетом. Порвав все прежние связи, в знак отречения от мирского она сняла с себя одежды и стала странствовать обнаженной. Ей было 24 года.

Мой гуру дал мне только один совет —
Обратить внимание вовне вспять.
Запечатлев его в сердце,
Обнажившись, я начала странствовать.

В этих странствиях Лалле пришлось столкнуться с жестоким отношением общества, в основной своей массе не приемлющего столь «бесстыдного» поведения. В начале своего мистического путешествия она то воспаряла к высотам Духа, то погружалась в жалость к себе, пока в конце концов не обрела упорченности пребывания в своей истинной природе.

Цепи замешательства будут разорваны,
Когда я смогу выносить насмешки и слова глумления.
Покров жалости к себе сгорит в огне,
Когда неукротимый скакун³ внутри будет обуздан.

* * *

Я, Лалла, начала надеяться расцвести подобно цветку хлопчатника.
Очищающий хлопок и Чесальщик нанесли мне жесткие удары.
После того как Прядильщик скрутил меня в тонкую пряжу,
Я была растянута на ткацком станке в лавке Ткача.

После того как Прачка отбил меня о плоский камень⁴,
Натерев мыльным камнем и омыв водою,
А Портной раскроил ножницами,
Я, Лалла, достигла высочайшего блаженства.

Есть такая история. Однажды уличные мальчишки стали глумиться над ней. Добро-сердечный хозяин лавки, торгующей тканями, увидев это, прогнал их прочь. И тогда Лалла попросила его одолжить ей длинный кусок ткани, разрезать его на 2 равные части и каждую взвесить. И затем набросила один из кусков на свое левое плечо, а другой на правое и пошла по улице. На каждый оскорбительный оклик она завязывала узел на правом куске ткани, а на уважительный – на левом. К вечеру она вернулась в эту лавку и отдала куски ткани хозяину, попросив его вновь взвесить их по отдельности – вес каждого оказался таким же, как и раньше. Число «узлов оскорбления» и «узлов уважения» никак не повлияло на вес каждого куска. Так она дала понять доброму заступнику свою незатронутость ни насмешками, ни проявлениями уважения.

² Позднее названный «Лалла-пруд» (Пруд Лаллы). Утверждают, что он был полон воды многие столетия.

³ То есть ум.

⁴ Так в Индии простолюдины стирают белье, причем стирают, как правило, мужчины.

Даже если тысячи оскорблений обрушатся на меня,
Это не заденет мое Сердце.
Если я предана всенаполняющему Шанкаре⁵,
Зола не загрязнит Зеркало.

Будучи преданной Шиве, используя практики шайва-йоги, Лалла все глубже продвигалась в своем мистическом путешествии в глубины Себя.

По легенде, однажды в полнолуние Лалла вошла в комнату, встала в глиняный горшок и надела на голову другой такой же. В процессе убывания луны ее тело уменьшалось в размерах, а на пятнадцатый лунный день два горшка – верхний и нижний – соединились. Ее учитель Шрикантха, приподняв верхний, увидел вибрирующую «ртуть» внутри. С ростом луны тело Лаллы стало увеличиваться, пока на полнолуние не достигло прежних размеров. Он был весьма впечатлен и сказал, что ученица превзошла своего учителя. В своих стихах Лалла так описывает открывшееся ей:

* * *

О бесконечное Сознание,
Наполненное до краев эликсиром!
Ты живешь в моем теле,
И я поклоняюсь только Тебе.
Умру ли я, получу новое рождение или перейду в иное состояние
– меня не заботит.

* * *

Легко читать, но трудно следовать.
Достижение Самопознания —
Тонкое и трудное.
Погрузившись в практику,
Я забыла писания
И реализовала Сознание-блаженство.

* * *

После прохождения «шести лесов»⁶
Я пробудилась к «сфере луны»⁷.
Через контроль дыхания
Я оставила привязанность к мирскому.

⁵ Одно из имен Шивы.

⁶ Шесть чакр.

⁷ Седьмая чакра, брахмарандхра.

Я растопила сердце в огне Любви
И обнаружила Шанкару.

* * *

Я стала поглощенной священным звуком Ом,
И была сожжена, как уголь.
Оставив позади шесть путей ⁸,
Я взошла на седьмой ⁹ —
И затем я, Лалла, достигла обители света¹⁰.

* * *

Холод превращает воду в лед и снег,
Но при распознании – это лишь вода.
Когда сияет солнце Сознания,
Множественность растворяется в единственность.
«Вселенная» – это только Шива.

* * *

Изучать святыя писания легко,
Да трудно претворить прочитанное в жизнь.
Поиск Реального не прост.
Погруженность во всматривание
Растворила последние слова.
И там меня встретила пробужденность —
Пребывание безмолвия и радости.

* * *

Ты – небо, и Ты – земля.
Ты – день, Ты – ночь,
Ты – ветер.
Ты – зерно, дерево сандала, цветы и вода¹¹.

⁸ Шесть чакр – муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишуддха, аджня.

⁹ Седьмая чакра, брахмарандхра.

¹⁰ Обитель света – основа, в которой возникает свет, не проявленность, ничто.

¹¹ Все это традиционно используется в качестве подношения Богу в религиозных церемониях.

Ты – все.
Что же мне предложить Тебе?

* * *

Я всмотрелась и обнаружила во всем Себя —
Я увидела Бога, сияющего во всем.
Через вслушивание и остановку ¹² я узрела Шиву:
Дом – это Он один, Кто есть я, Лалла.

* * *

Солнце заходит,
Сияет луна.
Луна исчезает,
Сознание остается.
Сознание исчезает,
Остается ничто —
Физическое, духовное и метафизическое
Сливаются в Ничто ¹³.

* * *

Загрязнения моего ума были стерты, как пыль с зеркала,
И я достигла знания Себя.
Я узрела Его, пребывающего во мне:
Он – все,
Я – ничто.

* * *

Теперь я узрела текущий поток —
И больше не вижу ни берега, ни моста.
Теперь я узрела цветущий куст —
И больше не вижу ни роз, ни шипов.

¹² Через вслушивание во внутренний звук и поглощенность в пранаву.

¹³ Здесь описаны стадии практики контроля дыхания, где «солнце» – прана, «луна» – апана.

* * *

Труден был мой поиск Себя.
Но теперь я знаю: нет «достигшей» скрытого Знания через
усилие.
Поглощение «я» привело в обиталище нектара —
Чаши наполнены до краев,
Но некому пить.

* * *

Ни речи, ни ума,
Ни проявленного, ни трансцендентного
Нет здесь.
Йогическому безмолвию нет места здесь.
Здесь не живут ни Шива, ни Шакти.
Обнаружь то, что остается, —
Таков мой совет.

* * *

Нет ни «тебя», ни «меня»,
Ни «медитации», ни «объекта медитации».
Вседеяющий забывает «Себя».
Слепой найдет это бессмысленным.
Мудрый становится одним с этим высшим состоянием.

Традиционно учения кашмирского шиваизма передавались лишь немногим избранным. Лалла стала первой женщиной, ставшей открыто говорить об этих практиках широкому кругу людей на местном языке кашмири.

Лалла критиковала элиту, впадшую в гордыню от своих достижений в области эрудиции. Их ученое знание традиции кашмирского шиваизма, как она говорила, отнюдь не гарантирует подлинное прозрение, подлинное постижение. Сама же Лалла оставила все писания позади и сосредоточилась на непосредственном переживании того, что стало лишь предметом усложнения и дискуссий у ученых мужей. Цени непосредственное переживание превыше святых доктрин, она была совершенно терпима к религиозным практикам, иным, чем ее собственная, и не относилась к какой секте или религии. В своих стихах она призывает практикующих не разделять на «индуизм» и «мусульманство», поскольку истинная реальность превыше конфессиональных и сектантских разделений.

Твоя Суть может быть названа Шивой,
Кешавой, Махавирой, Лотосорожденным (или) Буддой.

Какое бы имя ни давалось,
Пусть оно освободит слабого человека, подобного мне,
От недуга связанности мирским.

Лалла также указывает на ограниченность использования лишь внешнего поклонения, всевозможных ритуалов:

Лишенные способности распознавания
Читают религиозные писания,
Как попугай в клетке, повторяют «Рам».
Читая Гиту, ищут лишь самооправдания:
«Я читаю Гиту – я все еще читаю ее».

* * *

Это покрывает твое тело
И защищает от холода.
Оно поддерживает жизнь травой и водой.
Кто дал тебе совет, глупый *пандит*,
Приносить в жертву живого агнца
Безжизненному камню?

* * *

Не мучь свое тело,
Лишая его еды и питья.
Когда тело истощено,
Позаботься о нем.
Откажись от своих постов
И религиозных церемоний.
Будь благожелателен к другим —
Вот настоящая духовная практика.

По легенде, однажды учитель Лаллы Шрикантха совершал омовение в реке, в то время как она чистила, но только снаружи, горшок, полный грязи, расположившись вверху по течению. Шрикантха, удивленный, спросил ее: «Как же можно очистить горшок, оттирая его только снаружи?» Лалла ответила: «Как же можно очиститься лишь омовением, не очищая мысли и чувства?»

Все, что бы я ни делала, стало поклонением Господу;
Все, что бы я ни говорила, стало молитвой;
Все, что бы ни испытывало мое тело,
Стало садханой *шайва*-тантры,
Высвечивающей мой путь к Парамашиве.

Наставления Лаллы

Царское шествие, зонт,
Колесница и трон,
Веселые пиры,
Удовольствие от театрального искусства,
Ложка из пуха хлопчатника —
Думаешь, заберешь все это с собой в могилу?
Как же ты сможешь рассеять страх смерти?

* * *

Облачись в одежды мудрости.
Запечатлей стихи Лаллы в своем сердце.
Через *пранаву*¹⁴ Лалла была поглощена
В свет Сознания
И преодолела страх смерти.

* * *

Достигшие Бытия-Сознания-Блаженства —
Освобожденные при жизни.
Запутавшиеся в сетях мирского
Невежественные завязывают сотни узлов.

* * *

Через постоянную практику
Реальность объектов преодолевается.
Мир форм и цветов внезапно
Растворяется в пустоте.
Когда пустота исчезает,
Остается безымянное Сознание.
Это мое учение, *пандит!*

¹⁴ Изначальный звук.

* * *

Одевайся, когда холодно.
Ешь, когда голоден.
Медитируй на Себя —
Это тело скоро станет пищей лесных воронов.

* * *

Шива вездесущ.
Не проводи различия на индуистов и мусульман.
Если мудр,
Распознай истинную Суть —
Вот настоящее знакомство с Господом.

* * *

Неси ответственность за свои действия —
Другие вкушают свои собственные плоды.
Без привязанностей,
Я отношу действия лишь к Себе.
Куда бы я ни направилась – это правильно для меня.

* * *

Горькое – сладко.
Сладкое – отравляет.
Усердие и однонаправленная преданность
Приводят к окончательному достижению.

* * *

Выдержи молнию и гром.
Выдержи полночную тьму.
Выдержи перемалывающий мельничный жернов.
Если выдержишь,
Он придет к тебе.

* * *

Тот, кто убил в себе жадность, вождение и эго
И затем служит людям со смирением,
Жаждет лишь всенаполняющего Бога,
Воспринимая все иное как пыль.

* * *

Когда святыя писания отпадают,
Мантра остается.
Когда мантра отпадает,
Ум остается.
Когда ум отпадает,
Остается ничто.
Ничто сливается с Ничто.

* * *

Пусть называют меня по-всякому и поучают меня.
Пусть зовут меня, как хотят.
Пусть подносят мне цветы преданности.
Я – незатрагиваемое.
Кто же будет все это получать?

* * *

Почему ты идешь на ощупь, словно слепой?
Если мудр, обрати внимание вспять.
Шива здесь.
Нет нужды идти куда-то еще —
Поверь моим простым словам.

* * *

Под тобой яма,
Над ней ты танцуешь.
Скажи мне, моя дорогая,

Разве можно положиться на это?
Все, что собрала,
Оставь позади.
Скажи мне, моя дорогая,
Разве истинное наслаждение – это накопление?¹⁵

* * *

Не говори дураку о Знании.
Давать нектар ослу – пустая трата времени.
Не сажай семена в песок речного берега.
Не трать масло на пироги из шелухи.

* * *

Санньяси ходит по святым местам
В поисках знания Себя.
Ум, не бросайся во все стороны,
Полагаясь на внешнее изучение, —
Трава вдалеке только кажется зеленее.

* * *

Оставь желания —
Медитируй на Себе.
Реализация трудна для достижения.
Оставь мечтания.
Это рядом —
Не ищи далеко.
Ничто сливается с Ничто.

* * *

Следуй незнанию, даже если знаешь;
Следуй невидимому, даже если видишь;
Следуй безмолвному, даже если слышишь —
Следуй незатрагиваемому.
Что бы люди ни говорили тебе, не спорь с этим.

¹⁵ В современном варианте это прозвучало бы: Разве истинное наслаждение – это шоппинг?

Такая практика ведет к постижению.

* * *

Встань, Женщина! Подготовь для обожения
Вино, мясо и изысканные лакомства.
Если познано высшее состояние,
Нарушение традиций не делает разницы.

* * *

Когда постом медитации устранены пять иллюзий
переживания¹⁶ и реализовано высшее состояние,
Нарушение традиций не делает разницы.

* * *

Я могу знать, как рассеять штормовые облака,
Как осушить океан
И излечить тяжело больного,
Но никогда не знала, как вразумить дурака.

* * *

Эй ты, озабоченная своим телом!
Эй ты, занятая украшением своего тела
И использующая его для сладострастия, —
Даже пыли и пепла не останется от этого тела!

* * *

Ищи Себя в теле.
Это тело известно как обиталище Себя.
Отказавшись от жадности и привязанностей, тело очистится
И воссияет как солнце.

¹⁶ Воспринимаемое пятью чувствами как материальное.

* * *

Сосредоточь внимание на бессмертном.
Ум заблудится, если отвлечется.
Не бойся и будь непреклонна —
Ум, как ребенок-сосунок, беспокоится даже на материнских
коленях.

* * *

Шива подобен мельчайшей сети, раскинутой всюду,
Тонко пронизывая физический мир.
Если не видишь Его, пока жив,
Как же сможешь увидеть, когда умрешь?
Через самоисследование
Устрани «себя» с Себя.

* * *

Мир полон различий.
Если приемлешь все, будешь счастлива.
Отрешившись от гнева, ненависти и враждебности,
Узришь лик Шивы.

* * *

Бог не хочет ни твоих медитаций, ни аскетизма.
Через одну Любовь можно достичь обители блаженства.
Ты можешь быть растворена, как соль в воде,
И все еще далека от познания Бога.

* * *

Чидананда, свет абсолютного Знания,
Те, кто постиг, —
Свободная, реализованная Душа:
Неограниченная, бесконечная,

Сотни сотней раз запутывавшаяся,
Невежественная, в цикле рождений и смертей.

* * *

Будь бесстрашен, о беспокойный ум,
Вечный подумал о тебе.
Он знает, как удовлетворить тебя.
Так взывай к Нему одному за помощью —
Его Имя будет вести тебя, оберегая, на Ту сторону.

* * *

О ум, как же ты опьянен привнесенным!
Как можешь ты отклоняться от истинного и увлекаться
неистинным?
Послушай:
Ты стал захвачен привнесенным верованием
В приходящее и уходящее, рождение и перерождение, в
циклическое движение жизни и смерти.

* * *

Дух, подобно луне,
Есть сейчас, но всегда новый.
И я вижу океан в постоянном сотворении.
Освободив ум и тело, я, Лалла, тоже новая,
Каждый момент новая.
Мой учитель сказал мне только одно —
Живи сердцем.
Когда это стало так,
Я начала странствовать обнаженной
И танцевать.

* * *

Путь труден для понимания.
Лалла отказалась от книг, что толкуют о нем,
И через медитацию узрела истину,
Которая никогда не приходит лишь

от прочтения слов.

* * *

Хоть и умудрена, а будь словно дура;
Хотя и можешь видеть, а будь словно слепая;
Хотя и можешь слышать, а будь словно глухая;
Сноси все, с чем бы ни повстречалась,
Будь учтива со всеми.
Такая практика, несомненно, приведет
К реализации Истины.

Место захоронения Лаллы неизвестно. По легенде, когда она умерла, яркое пламя вырвалось наружу из ее тела и исчезло из вида.

Хвала Лалле¹⁷

*Танцуй, Лалла, облаченная лишь в воздух.
Пой, Лалла, одетая в небо!
Посмотри на этот яркий день!
Какие одежды могли бы быть
Столь прекрасны или столь священные?*

Лалла

Лалла, рожденная в Кашмире, путешествовала и пела песни, танцуя под них обнаженной. Песни лились из ее живого переживания Бога, из ее подлинной сущности, которая есть и наша подлинная сущность.

Я представляю Лаллу идущей по сельской дороге. Она осознает ясность своей беспредельной сущности, пустоту, что вмещает небо, землю и все сущее между ними. Мир, прозрачный, как чистая вода, и легче, чем воздух, танцует внутри нее. Те трепещущие на ветру листья, эти камни на сухой дороге, эта бурая земля подле лениво текущей реки – она облачается во все это как в одежды. Вечно изменчивый гардероб. Быть всего лишь одной вещью, носить свое лицо, свое тело, считая их собой, – значит не иметь больше места ни для чего еще. Но быть обнаженным, быть абсолютной открытостью существования – именно тогда мы роскошно наряжены. Я вспоминаю выражение немецкого мистика Мейстера Экхарта (он умер, когда Лалле было около семи): «До тех пор пока я это или то, я не могу быть всем сущим». А еще мне приходят на ум слова английского поэта XVII века Трэгерна: «Ты не сможешь наслаждаться миром, пока само море не потечет в твоих венах, пока ты не облачишься в небеса и звезды не увенчают тебя...»

И вот, Лалла, не имея ничего на себе, ты танцуешь в ниспадающем горном потоке, в лебедях, скользящих по сверкающей водной глади, в смеющихся детях, играющих у твоих ног. И, танцуя, ты поешь, Лалла, о, как ты поешь! Восхваления разливаются из источника пустоты, из сокровенной тайны – бесконечная песнь для Бога и от Бога.

Сегодня, Лалла, я вижу твое тело во всем. Я вижу тебя в лице каждого встречного, чувствую твой вкус в напитке, что подношу к губам, слышу голос твой в потрескивающем огне и молчаливой земле, в какофонии городских улиц, в волнах, непрестанно разбивающихся о широкий берег. Звезды смотрят твоими глазами, Лалла, летящая птица бьет воздух твоими крыльями, открывший лепестки солнцу цветок – твое прекрасное лицо. Куда бы я ни посмотрел, я вижу тебя. Ты, кто вовне, пребываешь внутри, с моей стороны любой двери, в какую бы я ни постучал.

Лалла, в спонтанном движении моих собственных рук и ног во время танца я являю твой танец. Обращаясь к другому, я прикасаюсь к тебе. Снимая одежды своей внешности, я соединяюсь с тобой.

¹⁷ Из книги Ричарда Ланга «Кто ты на самом деле?». Пер. с англ. С. Федорова.



Озеро Дал в Кашмире

Пелагия



Пелагия Дивеевская (1809–1884) Первая из трех канонизированных блаженных Серафимо-Дивеевского монастыря

В хрониках священных мировых традиций можно найти рассказы об особенном типе святых – так называемых «дураках» или «блаженных». Большинство людей считает их совершенно безумными, но способный к различению глаз видит в этих просветленных «дураках» духовных исполинов. Практически во всех основных религиях существуют такие странные, но чрезвычайно возвышенные души. В христианской традиции это «безумцы Христа ради» – «дурачки», «шалые», «юродивые».

Иногда очень сложно определить действительную причину их странного, явно «безумного» поведения. Они такие на самом деле или притворяются? Часто они надевают маску эксцентричности для того, чтобы стать объектом презрения, насмешек и оскорблений и практиковать таким образом глубочайшее смирение и свободу от привязанности даже к собственному добродетельному имени и репутации. Возможно, это самый трудный, последний урок их духовной зрелости. Однако, похоже, иногда их сумасшествие бывает непритворным. Может быть, на них оказали влияние какие-то необычные события их детства и юности, плюс генетическая предрасположенность. А может быть, дело в том, что случившаяся с человеком духовная реализация была настолько тотальной и мощной, что его восприятие и поведение стало слишком отличаться от принятых в обществе норм. А мы знаем, что «здоровый смысл», на который опирается общество, совершенно не здрав с духовной точки зрения.

Те, кому посчастливилось встретить «божьих дурачков», могут засвидетельствовать, что в их присутствии ощущается огромная, невероятная сила благодати и обновления.

Давайте вспомним одну из таких блаженных душ – Пелагию Ивановну Серебренникову, урожденную Сурину, принадлежавшую к русской православной церкви. Пелагия, несомненно, была не только одной из самых эксцентричных личностей в истории духовной жизни, но и ярчайшим светочем, свидетельствующим силу Бога. Более того, она стала неофициальной преемницей Серафима Саровского (1759–1833 гг.), которого православная церковь почитает как величайшего старца – человека беспримерной доброты, аскетичности

и любви к Богу, чудотворца, обладающего недюжинной духовной силой. Под его чрезвычайно благотворным влиянием появился целый ряд святых – мужчин и женщин, но самой удивительной была Пелагия, которую в народе с любовью называли «Серафимовым серафимом», то есть его ангелом. В 1937 году, спустя четыре года после «ухода» Серафима, Пелагия пришла жить в женский монастырь, основанный Серафимом для его учениц. Монастырь находился неподалеку от Дивеево, в густом лесу, почти в 460 километрах к юго-востоку от Москвы. Здесь, в крошечной убогой келье, невероятно эксцентричная, а впоследствии горячо любимая монахинями монастыря «матушка» Пелагия провела последние 47 лет своей жизни.

Несмотря на то что монахини поначалу относились к ней, как к слабоумной, Пелагия стала известна среди паломников своими дарами исцеления, ясновысказания и пророчества, своей способностью встречать гонения и несправедливость с молчаливой улыбкой на лице, своим простым смирением и той странной, поразительной и даже пугающей «придурковатостью», которую многие люди считали полным безумием. В случае с Пелагией очень трудно определить истинный источник ее помешательства. Притворялась ли она, закаляя свое сердце в смирении? Определенные признаки указывают именно на это. Но также было множество поступков в ее жизни, которые заставляют предположить, что она действовала с совершенно иного плана бытия и что действия ее имели отношение к другому, более высокому, чем наше смертное царство, миру.

Пелагия родилась в 1809 году в городе Арзамасе, в 400 километрах к востоку от Москвы. Маленькая Пелагия и двое ее младших братьев узнали, почему фунт лиха, когда после смерти отца в их семье появился отчим со своими шестью детьми. Годы спустя мать Пелагии рассказывала, что в детстве (к сожалению, точная дата неизвестна) с ее дочерью приключилось что-то странное. Однажды она заболела и вынуждена была провести несколько дней в постели. Когда, наконец, Пелагия поправилась, она «...встала непохожей сама на себя. Из столь умного ребенка вдруг сделалась она какой-то точно глупенькою. Уйдет, бывало, в сад, поднимет платице, станет и завертится на одной ножке, точно пляшет. Уговаривали ее и срамали, даже и били, но ничто не помогало. Так и бросили»¹⁸.

Неизвестно, что же случилось с «исключительно умным ребенком», но, как стало очевидным впоследствии, ее предназначением было быть «дурой Бога ради».

Как бы там ни было, Пелагия повзрослела и стала очень привлекательной: «высокой, красивой девушкой с невероятно живыми, блестящими глазами». Мать стремилась скорее выдать дочку замуж, хотя свободолюбивой Пелагии идея замужества была противна. В конце концов, несмотря на ее явное помешательство, в 1828 году ее взял в жены молодой мещанин Сергей Васильевич. Должно быть, он был так очарован ею в день их знакомства и сватовства, что не обратил внимания на весьма странное поведение Пелагии, «поливавшей» из чашки цветы на ткани своего платья!

Вскоре после замужества молодая пара поехала к преподобному Серафиму Саровскому. На удивление быстро распрощавшись с мужем и матерью Пелагии, Серафим провел девушку в свою келью, где беседовал и молился с ней в течение нескольких часов. Крайне редко Серафим поступал подобным образом: только с особенно многообещающими и «зрелыми» учениками. После того как они вышли из кельи, старец Серафим поклонился ей в ноги и напутствовал словами: «Иди, иди, матушка¹⁹. Иди в Дивеево²⁰. Побереги моих сирот-то²¹. Многие спасутся через тебя, и будешь ты свет миру!»

¹⁸ Здесь и далее по тексту цитаты взяты из «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря. Блаженные старицы Дивеевского монастыря», см. <http://serafim-library.narod.ru/LetopisSerafima/letopis-blag-staricy-1.html>

¹⁹ Словом «матушка» обычно называют настоятельницу монастыря.

²⁰ Дивеево – село в Нижегородской области, где расположен основанный им монастырь.

Эта знаменательная встреча, как и многие другие события в жизни Пелагии, практически не оставляет сомнений в том, что она не была «обычной полоумной» – она была душой совершенно иного порядка, что и обнаружил Серафим – прозорливый старец, обладающий способностью видеть душу человека и читать ее словно открытую книгу.

Вернувшись после этой судьбоносной встречи в родной Арзамас, Пелагия выучилась у местной юродивой, Параскевы Ивановны, Иисусовой молитве – традиционной в Восточной православной церкви практике повторения молитвы, обращенной к Иисусу: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя...» Затем, по словам соседа очевидца, Пелагия стала проводить на коленях в молитве все ночи напролет. Ее поведение стало еще более «идиотским», что неизменно вызывало насмешки местных жителей. Разгневанный муж Сергей не раз жестоко бил ее, морил голодом и сажал на цепь. Она родила двух мальчиков: они оба умерли в совсем юном возрасте. Когда родилась дочь, Пелагия взяла ребенка и принесла его матери со словами: «Ты отдавала (замуж за Сергея), ты и нянчись теперь, я уже больше домой не приду». После этого Пелагия начала ходить от церкви к церкви, принимая подаяние и тут же раздавая его нищим или тратя деньги на церковные свечи на благо всех душ. Сергей ловил ее и бил, надеясь, что она образумится. В конце концов он отвел ее в полицию, где городничий превратил ее тело в кровавое месиво, решив, что ее поведение не вписывалось ни в какие рамки. Нужно помнить о том, что в то время ее очевидное сумасшествие однозначно трактовалось окружающими как одержимость бесами, ее мучители считали, что должны изгнать их во что бы то ни стало! Пелагия сносила все мучения молча. На следующий день после побоев городничему приснился страшный сон, в котором ему было наказано не обижать Пелагию. После этого сна он сам стал запрещать населению трогать юродивую.

После посещения знаменитой Троице-Сергиевой Лавры на Украине, куда муж отвез Пелагию лечиться, ее поведение, казалось, заметно улучшилось. Сергей даже разрешил жене вернуться из Лавры раньше него. Однако по возвращении домой он обнаружил, что жена раздала все их имущество! Тогда он приковал ее к стене железной цепью. Иногда она срывалась с цепи и полураздетая бегала по улицам. Горожане не помогали ей, пугаясь ее вида. Каждый раз, изловив жену и вернув на место, Сергей избивал ее до полусмерти. Так они и жили. Позже Пелагия признавалась, что в молодые годы Сергей переломал ей все ребра.

В итоге отчаявшийся Сергей отрекся от жены и вернул ее в дом отчима, где тот снова стал ее регулярно бить. Однажды ее сводная сестра даже убедил своего друга попробовать пристрелить Пелагию. Однако парень промахнулся и, в соответствии с пророчеством Пелагии, вскоре покончил жизнь самоубийством. Ее семья предприняла еще одну попытку «исцеления»: Пелагию отправили к известному и уважаемому старцу – преосвященному владыке Воронежскому Антонию. В течение целых трех часов Антоний разговаривал с Пелагией наедине, без ее спутниц. После этого он снова направил ее к Святому Серафиму, и матери опять пришлось везти дочь к старцу в Саров. Серафим велел матери не только не наказывать и не обижать чудную дочь, но также быть к ней доброй, дабы Господь не взыскал за нее.

«Получив свободу, она по ночам почти постоянно находилась на погосте Напольной Арзамасской церкви. Здесь видали ее, как она ночи напролет молилась Богу под открытым небом с воздетыми руками, со многими вздыханиями и слезами. А днем она юродствовала: бегала по улицам города, безобразно кричала и всячески безумствовала, прикрытая лохмотьями, без куска хлеба, голодная и холодная. Так провела она четыре

²¹ То есть монахинь.

года, не переставая посещать свою учительницу, юродивую Параскеву, ту самую, с ранней поры учившую ее непрестанной молитве Иисусовой».

Мать Пелагии по-прежнему пыталась пристроить дочь в какой-нибудь монастырь или дом, но все ее попытки были безуспешными. Однажды неподалеку от того места, где жила семья Пелагии, оказались по каким-то делам странницы из Дивеевского монастыря. Пелагия остановила их и привела к себе в дом. Старшая из монахинь, Ульяна Григорьевна, подошла к матери Пелагии и спросила, не отпустит ли та свою дочь с ними в Дивеево, что в Нижегородской губернии. Мать с готовностью согласилась (можно представить, как она вцепилась в эту возможность!). Как только Пелагия попала в монастырь, она тут же подошла к молодой монахине Анне Герасимовне и попросила, чтобы та стала ее прислужницей. Фактически так потом и вышло: в течение 45 лет Анна была ее ближайшей подругой, соседкой по келье и прислужницей. Но это было потом, а в тот момент настоятельница монастыря Ксения Кочеулова возмутилась такой «дерзкой выходкой» и приставила к «безумной Палаге» – как ее стали там звать – до крайности бойкую и суровую послушницу. Та часто избивала Пелагию, но, по словам очевидцев, последняя «не только не жаловалась на это, но и радовалась такой жизни».

«Она сама как бы вызывала всех в общине на оскорбления и побои себе: она по-прежнему безумствовала, бегала по монастырю, бросая камни, била стекла в кельях, колотилась головой своей и руками о стены монастырских построек. В келье своей бывала редко, а большую часть дня проводила на монастырском дворе: сидела или в яме, выкопанной ею же самой и наполненной всяким навозом, который она носила всегда в пазухе своего платья, или же в сторожке в углу, где и занималась Иисусовой молитвой. Всегда, летом и зимой, ходила босиком, становилась нарочно на гвозди ногами и прокалывала их насквозь, и всячески старалась истязать свое тело. В трапезу монастырскую не ходила никогда и питалась только хлебом и водой, да и того иногда не было. Случалось, когда вечером проголодается и пойдет нарочно по кельям тех сестер, которые не были расположены к ней, просить хлеба, те вместо хлеба давали ей толчки и пинки и выгоняли вон от себя. Возвращалась домой, а там Матрена Васильевна встречала ее побоями».

Однако не все монахини были такими жестокосердыми. Многие из них понимали в глубине души, что она была, по крайней мере, таким же человеческим существом, как и они все, и заслуживала лучшего обращения.

После двух лет, проведенных Пелагией в монастыре, настоятельница Ксения скончалась, и на ее место заступила ее дочь – Ирина Кочеулова. К Пелагии приставили новую девушку, но на сей раз уже Пелагия стала бить ее! Тогда в услужение «безумной» привели Анну Герасимовну, которую Пелагия и хотела видеть рядом с собой с самого первого дня. Лишь только Анна Герасимовна пришла к Пелагии, та подскочила, схватила девушку в охапку, как маленького ребенка, поставила в передний угол на лавку, поклонилась ей до земли и сказала: «Отец Венедикт ²², послужи мне Господа ради, а я тебе во всем послушна буду, все равно как отцу». И так они поселились вместе: Пелагия, Анна и дивная старица Ульяна Григорьевна. Деревянная их келья была среднего размера и находилась на краю Дивеевской общины, рядом с дремучим лесом. Прошло немного времени, и Ульяна Григорьевна скончалась, оставив Пелагию и Анну жить в келье вдвоем – лишь изредка к ним подсылали какую-нибудь вторую прислужницу. Хотя странные, непонятные, эксцентричные

²² Одно из любопытных прозвищ, которые она дала Анне.

выходки Пелагии продолжались, она, как замечает Анна, «никогда ничего не делала без притчи» – пусть даже истинный смысл ее поступков открывался много позже, если открывался вообще.

Первые десять лет Пелагия все возилась с большими камнями. «Полную келью-то натаскает их, сору-то, сору и не оберешься», – говаривала Анна. Весной и летом оставшиеся в земле после пожара ямы заполнялись водой и превращались в маленькие грязные озера, и вот Пелагия долгое время занималась странным делом – целый день бросала кирпичи в эти грязные ямы, заполняя их.

«Повыкидав собранные кирпичи, ползет в самую-то воду чуть не по пояс, выбирает их оттуда. Выбрав, вылезет и, опять став на краю, начинает ту же проделку. И так-то и делает все время службы в церкви... Да раз и говорю ей:

– Что это ты делаешь? И как тебе не стыдно!

– Я, – говорит, – батюшка, на работу тоже хожу; нельзя, надо работать, тоже работаю».

Затем грязная и насквозь промокшая Пелагия возвращалась назад в келью и проводила всю ночь в том же углу, перед иконой Богородице, в слезах и жаркой молитве, обращенной к Богу.

Иногда Пелагия себя безжалостно била до тех пор, пока не пойдет кровь. Например:

«...придумала она еще и палками свою-то работу работать. Наберет это, бывало, большущее беремя палок и колотит ими о землю изо всей-то мочи, пока всех их не перебьет, да и себя-то всю в кровь не разобьет.

И чего только она не выделывала! Отпала у нас однажды изгородная доска от прясла да вверх и торчит большущим гвоздем... Хотела убрать, а Пелагия Ивановна уж наскочила на нее и что было мочи босой ногой как ударит на гвоздь так, что насквозь ноги-то и выскочил... Я бегом уж бегу в келью-то, поскорее чем-нибудь завязать ногу-то. Гляжу, а ее уж и след простыл... Прибегает вечером. „Ну, – думаю, – слава Богу!“ – да к ноге перевязать-то, знаешь, хочу. Смотрю и глазам своим не верю: пристало землицы кое-где, а раны даже и знаку-то нет никакого. Вот так-то всегда и бывало».

Продолжая нашу историю, нужно заметить, что эта чудная женщина редко сидела дома – ей все время нужно было куда-то бежать. Был период в ее жизни, когда она стала регулярно появляться в кабаке, расположенном в соседней деревне. Люди решили, что она – пьянчужка. Но однажды поздно ночью Пелагия, притаившаяся в укромном месте кабака, неожиданно выскочила перед хозяином заведения, направившимся в свою комнату, чтобы совершить давно задуманное дело – убить свою жену.

«Что ты делаешь! Опомнись, безумный!» – закричала Пелагия.

После этого случая многие стали считать Пелагию ясновидящей, и их негативное отношение к ней неожиданно исчезло. Анна говорит, что «поняв ее прозорливость, многие перестали осуждать ее, а стали почитать». В качестве еще одного примера ясновидения можно вспомнить случай, когда в 1848 году умирал ее бывший муж Сергей. Она почувствовала это и всем своим видом и движениями передала ужас переживаемой им предсмертной агонии.

Способность провидеть будущее была еще одним из божьих даров Пелагии. Так она предсказала смерть своей сводной сестры при родах дочери, знала судьбы настоятельниц монастыря в Дивеево и всегда точно могла сказать, кто из родственников собирается ее навещать. (Они не навещали ее в течение семи лет, но потом, возможно из-за страха перед ее

сверхъестественными способностями, стали изредка приезжать к ней. Родственники также стали давать Пелагии и Анне кое-что из вещей первой необходимости, поскольку после смерти их соседки – келейницы Ульяны – они вовсе обнищали.)

Поведение Пелагии было непредсказуемым. Однажды у нее развилась нелюбовь к замкам и дверям. Случилось это после того, как Анна, пытаясь утихомирить свою соседку, пребывающую в «особо воинственном настроении», оставила ее на какое-то время в келье запертой. После этого в течение 22 лет им пришлось жить без входной двери, независимо от того, какая погода была на улице. А ведь русские зимы – весьма суровы! Пелагия, по обыкновению, сидела и спала на полу, всегда рядом со входом в келью, так что «проходящие нередко наступали на нее или обливали ее водой, что, видимо, доставляло ей удовольствие». Даже когда нерасположенные к ней монахини или новенькие делали это нарочно, Пелагия являла собой совершенный образец Иисусовой заповеди – «возлюби врага твоего». В течение долгого времени, даже после обретения Пелагией популярности в стенах монастыря и за его пределами, «...были меж сестрами и такие, которые ее ненавидели и всячески злословили. Их особенно любила Пелагия Ивановна и старалась платить им за зло добром». *(Вспоминает Михаил П. Петров.)*

«А уж терпелива и смиренна была, удивляться лишь надо... Никого не обидит; на ногу наступят, бывало, ей, дают вовсе, да еще стоят на ней, а она и не пикнет даже, поморщится только». *(Анна Герасимовна)*

Анна говорит, что однажды по чьей-то неосторожности у нее даже загорелись волосы – она и тогда промолчала.

«И как хочешь, бывало, ее унижай, поноси, ругай ее в лицо – она только рада, улыбается. „Я ведь, – говорит, – вовсе без ума, дура“. А кто должную лишь честь воздаст ей за ее прозорливость да назовет ее, бывало, святой или праведницей – пуще всего растревожится. Не терпела почета, а напротив, поношение любила больше всего».

Время от времени ее навещал еще один юродивый – Федор Михайлович Соловьев, также известный своей прозорливостью. Анна, на глазах которой происходили встречи этих двух «свободных существ», дает описание странного и пугающего действия, происходящего в таких случаях.

«Так уж тут и уму непостижимо, что только выделывали они вместе; страх возьмет, бывало, не знаешь куда и деться. Ульяну Григорьевну на что любила Пелагея-то Ивановна, а и та боялась их. Волей-неволей приходилось мне одной оставаться с ними. Как поднимут, бывало, они свою войну, мне уж никак не унять. Придет Соловьев, принесет чаю либо мяты, или зверобою, что ни попало, да по-военному: „Не досаждай, – крикнет, – Анна! Ставь самовар и пей с нами“, – да еще на грех в самый-то чистый понедельник. Ну и пьем, сидя на лавочке в уголочке; сама тряской трясусь, потому что как ни сойдутся у Рождества ли на кладбище, у нас ли в келии, оба большущие да длинные, бегают взад и вперед, гоняются друг за другом; Пелагея Ивановна с палкой, а Федор Михайлович с поленом, бьют друг друга.

– Ты, арзамасская дура, на что мужа оставила? – кричит Соловьев.

– А ты зачем жену бросил, арзамасский солдат этакий? – возражает Пелагея Ивановна.

– Ах ты, большой сарай, верста коломенская! – кричит Федор Михайлович.

И так-то идет без перерыву у них своя, им лишь одним понятная перебранка и разговор. Я сижу еле жива от страху; грешница, я думаю себе: «Ой, убьют». Ходила даже несколько раз к матушке Ирине-то Прокофьевне.

– Боюсь, – говорю, – матушка, души во мне нет, пожалуй, убьют.

А матушка-то, бывало, и скажет:

– Терпи, Аннушка, дитяtko, не по своей ты воле, а за святое послушание с ними, Божьими-то дурачками, сидишь. И убьют-то, так прямо в Царство Небесное попадешь».

Пелагия «воевала» не только с приходящими к ней блаженными, но и с другими посетителями – даже с такими высокопоставленными лицами церкви, как владыка Нектарий. Пелагия предвидела, что он собирается приехать к ним в монастырь с неожиданным визитом, и даже простояла всю ночь у ворот под проливным дождем, встречая его. Однако когда он «не по уму» решил уволить любимую сестрами настоятельницу монастыря Елизавету Алексеевну и поставить на ее место другую монахиню (уступив настояниям эгоистичного отца Иосафа), Пелагия, не побоявшись, ударила его при всех по лицу. Владыка не только не прогневался, но и начал уважать Пелагию за смелость и неукоснительное следование своему внутреннему божественному руководству.

Вскоре после случая с владыкой Пелагия потеряла всякий интерес к камням и палкам. Вместо этого она страстно полюбила цветы, растущие в саду настоятельницы монастыря Елизаветы Алексеевны, или, как ее называла Пелагия, матушки «Марии», с которой у нее всегда была взаимная симпатия. (Елизавету Алексеевну вернули на место настоятельницы после того, как, по словам первосвященника московского Филарета, «неправильное избрание Гликерии подтвердилось»). Анна так описывает трепетное отношение Пелагии к цветам:

«Сидит ли, ходит ли, сама знай их перебирает; и сколько, бывало, ей нанесут их! Целые пуки. Всю-то келью затравнят ими. Тут вот она и бегать почти перестала, все больше в келье, бывало, сидит. Любимое ее место было на самом-то на ходу, между трех дверей, на полу, на войлочке у печки. Повесила тут батюшки Серафима портрет да матушкин; с ними, бывало, все и ночью-то разговоры ведет да цветов им дает. Спать она почти не спала, разве так, сидя тут же или лежа немного задремлет, а ночью, случалось, посмотришь, ее уж и нет; уйдет, бывало, и стоит где-нибудь в обители, невзирая ни на дождь, ни на стужу, обратясь к востоку; полагать надо, молится. Больна никогда не бывала, кроме того случая, когда за три года до смерти она провела всю ночь на улице в страшнейший буран, промокнув до нитки, примерзнув к земле так, что не могла двинуться, в одном только сарафане... Судите сами: старухе ночью, девять часов кряду, на страшнейшем буране просидеть в одном сарафанишке с рубашкою; как не умерла – диво! Вот лишь с тех-то пор стала она чулки надевать; и до самой смерти никуда уж из кельи не выходила».

У Пелагии были еще две «эксцентричные» особенности: она никогда не стригла ногти и не мылась. Она позволяла тараканам ползать по себе и запрещала их убивать. Цепь, которую Сергей когда-то использовал для того, чтобы приковывать ее к стене, она теперь использовала как подушку, а то и приковывала себя цепью сама!

Иногда при виде хороших людей Пелагия испытывала огромную радость. Ее любовь к ним и Богу, являющемуся источником всякого добра, была так сильна, что у нее текли слезы – так проявлялся «дар слез», свойственный многим святым людям различных духовных традиций. В конце жизни она также пролила много слез о беззакониях и коррупции,

творившихся в стране. Время от времени ее глаза даже болели и гноились от слез. Однажды Анна спросила ее:

– Что это значит, Матушка, что ты все так страшно плачешь?

– Ах, Симеон ²³, – ответила она, – если бы ты только знала! Всему миру надобно так плакать.

Часто Пелагия также лишала себя сна: «Как только все в кельях улягутся на ночь спать, Пелагия Ивановна, тоже притворившаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву и молилась почти всегда до утра, тихо плакала и вздыхала на молитве и иногда в восторге духовном громко восклицала, чем и будила бывшую около нее келейницу Анну Герасимовну». (*Михаил П. Петров*)

Вдобавок ко всему, Пелагия нарушала все традиции, причащаясь лишь изредка. «Отец Серафим разрешил мне до конца моих дней», – однажды просто сказала она. Более того, она никогда не ездила на могилу к Серафиму. «Зачем это, если он здесь, всегда с нами?» И словно в доказательство этих слов, однажды ночью в 1882 году Анна стала свидетельницей того, как «ушедший» Серафим и другие обитатели небесных сфер приходили к Пелагии, чтобы причастить ее святых тайн. В один из вечеров 1884 года Анне снова довелось услышать долгий разговор между Пелагией и Серафимом. Много еще подобных историй о небесных гостях можно было бы рассказать, хотя при жизни Пелагия строго-настрого запрещала свидетелям этих случаев говорить о них кому бы то ни было. Одна из сестер однажды видела ангела Господня, дающего Пелагии хлеб для причастия. Случилось это вскоре после того, как сестра задалась вопросом, почему Пелагия не причащается в монастырской церкви. Одна из временных прислужниц в келье, Пелагея Гавриловна, вспоминала годы спустя:

«Это было тридцать лет назад. Проснулась я посреди ночи и увидела, как влетел ангел Господень, взял Пелагию и исчез с ней в небе, а затем снова вернул ее на место. Пелагия Ивановна лежала на полу у печки, и лицо ее было радостным и просветленным. Я подошла к ней и сказала:

– Матушка, что я видела?

– Тише, тише, не говори о том никому, – отвечала она».

Вполне предсказуемо, что крайний аскетизм и многие чудеса, сопровождавшие Пелагию, сделали ее привлекательной фигурой в глазах многих Дивеевских сестер. Отношение к ней изменилось даже у большинства ее прежних гонителей. Их проклятья сменились благословениями. И эти сестры, и толпы людей со стороны начали приходить к ней в келью: кто за советом или пророчеством, а кто и просто побыть в ее мощном, хотя и непостижимом, духовном присутствии.

Пелагия обладала поразительными способностями, включавшими в себя вышеупомянутые дары яснознания и пророчества, проявлявшимися особенно сильно, когда дело касалось определения даты смерти людей. Она также хорошо понимала человеческие сердца. «Все было ей известно». Так, например, незадолго до смерти к Пелагии пришел священник с намерением ее исповедовать. Он приготовился было ее слушать, когда она начала методично, один за другим перечислять его собственные многочисленные грехи. После этого случая он и многие другие стали еще больше почитать Пелагию. И таким высоким стал ее статус в общине, что «ничего без нее не делалось... будь то принять кого в монастырь или выгнать. Матушка (Мария – настоятельница) ничего не делала без ее благословения».

Пелагия обладала также сильным даром исцеления, хотя легко представить, что и «лечение» ее было очень специфическим. Как-то приехал к ней художник Михаил Петрович

²³ Анна родилась в праздник святого Симеона.

Петров. Увидев ее впервые, он был разочарован до такой степени, что даже хотел уйти – настолько ужасен и отвратителен был ее вид: «старая, скорченная, грязная женщина с огромными ногтями на руках и босых ногах». Пелагия начала бегать по келье, громко хохотать, а затем подбежала к Михаилу и ударила его по больной парализованной руке. Исцеление произошло мгновенно! «Затем, – констатирует Михаил, – она начала мне рассказывать всю мою прошедшую жизнь с такими поразительными подробностями, о которых никто не знал, кроме меня». Совершенно изменившись, он стал одним из самых преданных ее духовных сыновей.

Был и такой случай, когда старушка специально с радостью подставляла под удары Пелагии свое больное плечо, поскольку с каждым ударом чувствовала все большее облегчение. В 1873 году из расположенного в Понетаево монастыря приехала юная *рясофорная* послушница²⁴, страдающая от невыносимой головной боли в левом виске. Врачи не могли ей помочь...

«Она протянула руку и двумя пальцами с длинными ногтями начала слегка колотить мне по больному виску с такими словами: „Говорю, курва²⁵, не лечись, не лечись! Сама заживет“. И начала меня поить чаем с того блюдечка, из которого сама пила. И много еще говорила мне касательно моей жизни, и все сбылось на мне. И я, пробыв в Дивеевской обители трое суток, всякий день неоднократно ходила к ней и чувствовала себя совершенно здоровой, и отправилась в свою обитель. И с того времени эта болезнь не повторялась».

Три года спустя Пелагия полностью излечила эту же монашку от мучительных болей в животе, поставив ногу на ее больное место. Пелагия также могла «исцелять» трудные обстоятельства: однажды она погасила огонь в дальней деревне в ответ на призывную молитву живущей в ней женщины. Пелагия неожиданно вскочила с чашкой чая в руке, бросилась за дверь и выплеснула чай в направлении той деревни. В тот же момент огонь в деревне начал стихать.

Существует еще много историй о том, как Божественная Милость различным образом проявляла себя через Пелагию. Все эти чудеса и абсолютная уверенность в том, что скупые советы Пелагии и ее невидимое влияние способствовали духовному раскрытию людей, начали привлекать к ней – особенно в поздние годы – огромное количество паломников, некоторым из которых приходилось преодолевать по 400 верст! Они толпились у нее в келье, мирясь со всеми ее «чудачествами», в надежде получить совет или обладающее особой силой благословение от удивительной блаженной.

Петров говорит, что иногда «ее голос, подобно колоколу, звучал сильно и благодатно», а иногда «еле слышно». Она говорила то прямо, то иносказательно. Но как бы она ни говорила, «кто его (ее голос) слушал, вовек не мог забыть потрясающего действия ее слов». И Петров, и Анна Герасимовна указывали на то, что Господь невидимо направлял Пелагию говорить так, как нужно было каждому для душевного его спасения. С искренними людьми она обращалась довольно мягко, бережно, ласково, радуясь вместе с ними и печалась вместе с ними. А просто любопытствующих, праздношатающихся и своевольных ожидал совсем другой прием. Некоторых она просто игнорировала, невзирая на то, что они могли просидеть в ее келье целый день. Другие получали от нее грубые упреки. Ее «безжалостное сострадание» могло даже выражаться в форме пинков, ударов и летящих камней. А иных она и вовсе прогоняла прочь. И хотя, подчиняясь божественной воле, Пелагия обращалась со всеми людьми

²⁴ Первая степень монашеского пострига.

²⁵ Любимое ее слово.

по-разному и каждому давала свое «лекарство», ее совершенно не волновало чужое мнение. «Никого никогда ничем не отличала, ругал ли кто ее, ласкался ли кто с ней – для нее все были равны».

Толпы людей, желавших видеть старицу, являли собой целое зрелище. Вот как описывает их Анна Герасимовна:

«С раннего утра и до поздней ночи, бывало, нет нам покоя, так совсем замотают... Всяк со своими горем и скорбями, со своей сухотой и заботой идет к ней, бывало, ни на что без нее не решаясь. Сестры, у кого лишь чуть что, все к ней же летят, почтой ²⁶, бывало, и то все ее же спрашивают. Как есть, нет отбою. И все говорят: что она им скажет, так все и случится; Сам, значит, уже Бог так людям на пользу жить указал... Старух и молодых, простых и важных, начальников и не начальников – никого у нее не было, а все безразличны. Любить особенно... Бог ее ведает, любила ли кого, я не заметила... Она никогда ни у кого денег не брала... Все она и пила, и ела, и носила, что подавали ей ее почитатели ради Христовой милостыни. Из платья кто что принесет, сама не брала, бывало, мне подадут: сарафан ли, рубашку ли, или платок. Мы, бывало, на нее и наденем, да и то не всегда дается надеть-то, а как ей Бог велит. Гостинцев каких принесут: конфет, пряников или просфору – она не от всякого возьмет. А что уж возьмет, то в свою житницу – так мы прозвали ее пазуху – положит. И была у нее эта житница словно большущий какой мешок, за шею привязанный; так, бывало, будто с целым мешком и ходит везде. И Боже упаси, как тревожится – не коснись никто этой житницы!»

В 1879 году семидесятилетняя Пелагия серьезно заболела. И хотя она поправилась, здоровье ее сильно пошатнулось. Ближе к концу своего земного пути она утешала Анну: «Не плачь. Кто меня помнит, того и я помню... От меня больше пользы будет на небе, нежели на земле».

11 января 1884 года, на семьдесят пятом году жизни, Пелагия пожаловалась на сильную головную боль и неожиданно потеряла сознание. Позже этим же днем она стала без конца целовать руки келейниц, сидевших у ее кровати. Все эти дни она была в прекрасном настроении и крестила всех, кто приходил к ней.

29 января к вечеру у Пелагии поднялся сильный жар. Казалось, она попеременно оказывалась в двух мирах: она то наслаждалась чудесными видениями, то отражала демонические атаки и искушения. Затем лицо у нее разгладилось, на нее снизошел покой. Примерно в час ночи у Пелагии было видение Матери Марии – «лицо ее сияло радостью, и вся она трепетала». На пике своего переживания она воскликнула: «Матерь Божья!» – и с этими словами старица Пелагия Ивановна Серебренникова, бесприммерно смиренная «юродивая Христа ради», опустила голову на подушку и почилла с миром.

Взмыла вверх огромная волна людской признательности столь необычной духовной матушке России. «...непрестанно совершались по ней панихиды, числом от 30 до 40 в течение дня, ...постоянно горели вокруг гроба свечи». Тысячи людей приходили почтить память Пелагии. Спустя девять дней после ее кончины, во время похорон, тело ее излучало неземное свечение, а руки ее были «гибки, мягки и теплы, как у живой», без каких-либо признаков трупного окоченения. Все сестры и многие из мирян «чувствовали себя так, словно прощались с родной матерью». И милостью Божьей многие монахини переживали впоследствии

²⁶ То есть посредством писем.

явление Пелагии в снах и видениях – словно в подтверждение того, что их любимая Пелагия по-прежнему присматривала за ними, направляя их на пути к Господу.

О «преемнице» Пелагии

В то время в Саровском лесу в уединении жила еще одна юродивая – Параскева Ивановна, называемая в народе «Паша-дура». Много раз между блаженными состоялись «разговоры», смысл которых простому смертному был совершенно непонятен. Время от времени Паша покидала место своего уединения в лесу и приходила к Пелагии. Однажды Пелагия, как показалось Анне, велела Паше пока не приходить в Дивеево, поскольку «время еще не пришло». За 6 лет до кончины Пелагии Паша появилась снова, держа в руках куклу. Часто после этого ее видели с разными куклами. Кто-то считает, что она носила их с собой неспроста; они словно олицетворяли собой сестер общины:

«Нянчится она, бывало, с ними, ухаживает за ними, называя их детьми. И стала Паша по несколько недель, а потом уж и по несколько месяцев проживать у нас в обители, где день, где ночь. За год до кончины Пелагии Ивановны почти весь год прожила у нас. А как скончалась Пелагия Ивановна, то осталась даже и совсем в нашей обители».



Блаженная Паша Саровская (1795–1915 гг.)

Говорят, Пелагия «посвятила» Пашу в «тайны их общего предназначения» – вероятно, речь идет о способах исцеления больных, предвидении, яснознании, невидимом духовном руководстве монахинями и, возможно, более «продвинутых» методах «безумия», способствующих уничтожению эго. Так или иначе после ухода Пелагии стало совершенно очевидно, что место «духовного стража» и «старицы» заняла в обители Паша – ничто в монастыре не предпринималось без ее совета. Паша, которую сестры общины называли «наша матушка», прожила 120 лет. Она умерла в 1915 году, за два года до революции – события, о котором она предупреждала царя Николая II в 1903 году, во время его посещения святой обители.

К сожалению, в 1927 году коммунисты закрыли Саровский и Дивеевский монастыри, разгромили церкви, безжалостно разрушили келью и места захоронения Пелагии и Паши. Но монастырь в Дивеево был отстроен верующими заново и сейчас является действующим.

Несмотря на более чем полувековое надругательство над святынями, люди, открытые для присутствия Духа Святого, могут по-прежнему ощущать духовное влияние этих двух удивительных блаженных – Пелагии и Паши.

Пусть память об этих двух женщинах живет в веках, и пусть нуждающиеся приходят к ним с просьбой о заступничестве, потому что Бог явно готов проявить особую милость через этих двух «глупых слуг» Божьих.

То, что Пелагия до сих пор присматривает за своими чадами, не кажется таким уж невероятным. Святой Серафим обещал делать то же самое. На его могильном камне выгравировано: «Когда я умру, приходите ко мне на могилу, и чем чаще, тем лучше. Что бы ни было у вас на душе, что бы с вами ни случилось, придите ко мне как к живому, преклоните колено и отдайте все ваши горести моей могиле. Расскажите мне все, и я услышу вас, и всякая печаль покинет вас. Как с живым со мной говорили, так и тогда говорите, потому как я живой и никогда не умру».

Хазрат Бабаджан



Хазрат Бабаджан (≈1800–1931)

«Я Тот, кто создал все! Я источник всего творения». Услышав эти восторженные декларации, разъяренная толпа фанатичных белуджийских солдат похоронила пожилую женщину заживо. Через десять с лишним лет некоторым из этих солдат довелось оказаться в Пуне. Каково же было их изумление, когда в Хазрат Бабаджан, дававшей благословение группе почитателей, они узнали ту же старушку! Осознав свою ужасную ошибку, солдаты подошли к Бабаджан и попросили у нее прощения, в почтении припав головами к ее стопам.

Природа Бабаджан была царственной. Ее злило, если кто-то называл ее «мать». Она яростно сопротивлялась: «Не называй меня „мать“, дурак. Я не женщина, я мужчина!»

После достижения высочайшего для человека духовного состояния – состояния кутба²⁷, или совершенного, *пракрити*²⁸ стала ей подвластной. Таким образом, эта женщина, известная как Хазрат Бабаджан, стала Совершенным Мужчиной.

При рождении Хазрат Бабаджан нарекли Гулрух. Девочка родилась в знатной мусульманской семье в Белуджистане в северной Индии между 1790 и 1800 годами. Гулрух означает «как роза» или «со щеками как розы». Она была прекрасна не только внешне – ее дух был также подобен розе, аромат и красота которой никогда не исчезают. Эта утонченная красота сохранялась у нее на протяжении всей жизни, и где бы она ни оказывалась, уже став Бабаджан, людей неизменно тянуло к ней словно магнитом.

Гулрух воспитывали как богатую благородную принцессу, не жалея никаких денег на образование и привитие навыков, соответствующих ее высокому положению. Девочка была яркой и умной. Еще в детстве она выучила наизусть весь Коран, став известной в юном возрасте как *Хафиз-и-Коран*. Она также бегло говорила на нескольких языках, включая арабский, персидский, пушту, урду и даже английский.

²⁷ Кутб (араб.) – букв. «духовный полюс». В суфийских тарикатах высшая степень святости в иерархии святых (*авлия*). Олицетворял собой некоего посредника между людьми и Аллахом. Он отождествлялся с «совершенным человеком».

²⁸ Пракрити (санскр.) – изначальная природа, основная субстанция, из которой развивается мир.

Имея с детства тягу к духовной жизни, Гулрух проводила большую часть времени в одиночестве, повторяя выученные из Корана молитвы или сидя в молчаливой медитации. Друзей, пришедших к ней домой в надежде весело провести время, ждало разочарование: их компании девочка предпочитала уединение.

С годами склонность Гулрух к духовным занятиям становилась все более и более явной, и все больше времени она проводила наедине с собой. Ее физическая красота также стала очевидной. Смотреть на нее было настолько приятно, что люди не раз говорили о том, как повезет ее будущему мужу. Когда Гулрух достигла брачного возраста, родители подняли вопрос о замужестве, но неожиданно получили серьезный отпор: девушка не собиралась выходить замуж. Остаться одинокой для патанской принцессы, да еще такой красавицы, было делом невыносимым. Тогда родители попытались заставить ее вступить в брак. Они не знали, что она уже сделала свой выбор. Ее Возлюбленным был сам Бог. Девушка была влюблена в Того, кто похитил ее сердце много-много лет назад. Ни один принц, ни один красавец не мог занять Его место. Сердце Гулрух было опьянено божественным экстазом, и в слезах она молила лишь об одном – стать единой со своим Возлюбленным.

Побег из Белуджистана

Шли месяцы, ее родители становились все более настойчивыми и уже строили планы по поводу того, как выдадут свою дочь замуж за выбранного ими принца в назначенный день. До сведения Гулрух было доведено, что выбора у нее нет, поскольку все приготовления к свадьбе уже закончены. И хотя Гулрух любила своих родителей, согласиться с их решением она не могла. Ее страстное желание найти своего истинного Возлюбленного было настолько нестерпимым, что, несмотря ни на какие препятствия, она убежала из дома, чтобы уже никогда более не быть найденной своими родителями.

Гулрух отправилась на северо-восток: сначала в Пешавар, а затем в Равалпинди. Для молодой восемнадцатилетней девушки убежать из дома и путешествовать в одиночку по горным районам Индии было чем-то неслыханным. Но Возлюбленный наблюдал за ней, и потому на неровных горных дорогах она не оказалась ни узанной кем-либо, ни пойманной. Во время путешествия девушка носила традиционную для мусульманских женщин чадру, но как долго мог ее Возлюбленный позволять чадре закрывать ее? Возлюбленный начал необходимые приготовления для того, чтобы снять чадру двойственности и трансформировать Гулрух в Вечного Единого.

Сердце Гулрух горело огнем божественной любви, страдающим от нестерпимой боли разделенности с Богом. Ее состояние жгучей тоски по Возлюбленному было настолько всеохватным, что сделало ее нечувствительной к голоду, жажде и нехватке сна. Юная принцесса стала бездомной в этом мире. Днями и ночами она бродила по улицам Равалпинди, сходя с ума в поисках своего Возлюбленного. Кто знает, сколько жизней, прожитых в суровом аскетизме и покаянии, возвращался в ней этот духовный огонь? Говорят, в прошлом воплощении она была знаменитой Рабией Ал-Адавийи из Басры в Ираке – женщиной-святой, не имевшей себе равных по красоте и милости. Гулрух было предназначено обрести нечто более великое, чем святость. Людям, встречавшим ее на улицах и переулках, казалось, что они видят сумасшедшую бродяжку, но ей было все равно. Ее единственным желанием было узреть лик Возлюбленного, крича Ему в своем сердце: «Приди встретить меня, Любимый! Приди скорее, или я умру!»

Кутб Маула Шах

Прошли годы, но тоска Гулрух по божественному не становилась меньше. Безрассудство превратилось в опьяненность, сделавшую поток ее слез еще более обильным. В этот период, когда сердце Гулрух почти надорвалось от слез, она встретила индусского садгуру, чье имя осталось за завесой времени и чьей судьбой было направлять молодую женщину в духовной практике самым совершенным образом. Под руководством этого учителя она в течение полутора лет жила на горе в дикой местности (ныне это район Пакистана), придерживаясь суровой аскезы.

После этого она покинула регион и отправилась пешком в Индию, в Пенджаб. После почти двадцати лет аскезы ничто уже не напоминало прежнюю принцессу, кроме щек, которые по-прежнему алели как розы. Когда Гулрух было тридцать семь лет, был момент, когда она полностью была готова растаять с жизнью. Не осталось ни малейшей ниточки, которая бы *самскарной* привязывала ее к этому миру, ничто больше не удерживало ее здесь на Земле.

Странствия ее продолжались долгие годы. И вот однажды в Мултани (Пакистан) она встретила мусульманского кутба, известного как Маула Шах, благодаря милости которого афганская принцесса исчезла навсегда, позволив Возлюбленному соединиться с ее душой. Гулрух пережила полную духовную смерть: она стала Богореализованной, и не осталось ничего, кроме Бога. Пелена иллюзии этого мира спала с ее глаз. Пребывающая в бесконечном блаженстве душа кричала: «Есть только Я! Нет никого, кроме Меня. Я есть Бог».

Мекка и Медина

В своем Богореализованном состоянии Гулрух, которой было уже почти сорок лет, снова отправилась из Индии в северные области, в Равалпинди, к своему первому учителю инду. Учитель назвал ее «брахми-бхут»²⁹, поскольку она находилась на стадии экстатического единения и, казалось, совсем не замечала мира. Главная ее цель была достигнута, но сознание духовного наставника, который мог бы вести других к этой цели, пока не было сформировано. В ее абсолютном блаженстве существовал лишь Он один. Она не осознавала, что в тени, отбрасываемой светом Его Божественности, скрывается целый мир.

По прошествии нескольких лет с помощью своего инду.сского учителя Гулрух вновь обрела сознание мира, множественности и превратилась в совершенного Учителя. Наряду с божественным осознанием Безграничного Океана Реальности, она начала видеть каждую каплю как каплю, множественность в Единстве.

Она оставила Равалпинди и предприняла несколько долгих путешествий через страны Ближнего Востока – Сирию, Ливан, Ирак и т. д. Говорят, переодевшись мужчиной, она ходила в Мекку через Афганистан, Иран, Турцию и затем назад в Аравию. В Каабе в Мекке она пять раз в день совершала традиционные мусульманские молитвы, всегда сидя на одном и том же месте. А в Мекке она часто собирала пищу для бедных и лично кормила заболевших паломников. Также она проводила много времени, собирая корм для брошенного крупного рогатого скота.

Из Мекки Гулрух отправилась к могиле Пророка Мухаммада в Медину, где снова занялась тем же: читала молитвы и заботилась о паломниках. Оставив Аравию, она по суше дошла до Багдада, а из Ирака затем вернулась в Пенджаб. В Индии она поехала в сторону юга, в Насик, и оставалась некоторое время в Панчвати – в районе, который, как считают инду.сы, был освящен Господом Рамой. Из Насика Гулрух отправилась дальше, в Бомбей, где оставалась в течение нескольких месяцев. После того как ее духовная миссия там была закончена, она вернулась в Пенджаб и провела несколько лет, бродя по северной Индии.

²⁹ Согласно веданте – существо, обретшее сознание Бога, но не осознающее мир и себя.

Гулрух убита

Находясь в это время в состоянии великого духовного экстаза, она в присутствии группы мусульманских солдат в Равалпинди заявила о Себе как о Творце: «Я Тот, Кто создал все! Я источник всего творения». Это вопиющее заявление превратило белуджийских солдат в разъяренных фанатиков. Солдаты понятия не имели о том, что та, которая, по их мнению, совершила святотатство, действительно осознавала Себя Богом. Одни набросились на нее и удерживали силой, пока другие копали яму для того, чтобы похоронить ее заживо.

Эти служивые были весьма горды собой, поскольку считали слова бродячей сумасшедшей оскорблением святого ислама. Они полагали, что, убив *кафира* (неверного, или еретика), совершили благое дело и обеспечили себе награду на небесах – ведь они выступили защитниками священной истины ислама! Сделав свое дело, они оставили ее могилу и ушли, упиваясь собственным злодейством. Однако оставленная умирать в неизвестной могиле Гулрух не погибла. Неизвестно, как она пережила это испытание, но примерно в 1900 году она оказалась уже в Бомбее, находящемся более тысячи миль южнее, где стала жить на тротуаре улицы под названием Чуна Бхатти, неподалеку от Сиона.

Спустя годы, когда эти же солдаты увидели Бабаджан живой в Пуне, их самоуверенность и незрелые представления были полностью разрушены. Их охватило раскаяние за совершенный ими ужасный поступок, и они припали к ее ногам, моля о прощении. Некоторые из этих солдат стали ее последователями и служили ей телохранителями. Слава о Гулрух распространялась все больше и больше, многие верующие мусульмане принимали ее как кутба, стали добавлять к ее имени «хазрат», что означает «ваше высочество», и почитали как человека, ставшего единым с Богом – Бабаджан.

Путешествие в Аравию

Бабаджан снова была замечена в Бомбее примерно в 1901 году. Особенно часто ее видели в районе под названием Пидхони. Иногда она встречалась со святыми Мауляна Сахибом из Бандры и Абдулом Рехманом из Донгри. Было восхитительно видеть, какой счастливой становилась она в компании тех, кого она ласково называла своими детьми. Эти двое святых стали частью ее круга учеников, а позже она даровала Богореализацию им обоим. Абдул Рехман стал кутбом благодаря ее милости.

В апреле 1903 года Хазрат Бабаджан отправилась из Бомбея на корабле *S.S Hyderi* в свое второе паломничество в Мекку. На борту судна она открыто общалась с другими пассажирами, декламировала двустишия персидских поэтов Хафиза и Руми и простыми словами рассказывала о глубоких тайнах Абсолюта. Старая женщина, уже давно перешагнувшая столетний рубеж, завладела вниманием всех, включая экипаж, с которым она говорила на безупречном английском.

Во время этого вояжа произошел необычный случай. Начался ливень, и поднялась страшная буря. Все были в ужасе, и люди в страхе, что корабль вскоре пойдет ко дну, запаниковали. На палубе появилась Бабаджан. Не обращая внимания на опасность, неожиданно громким голосом она прокричала одному из пассажиров по имени Нума Панхавала: «Оберни платок вокруг шеи так, чтобы получилась сумка, и подойди к каждому из пассажиров, включая детей и европейцев. Собери с каждого по одной пайсе. Пусть они молятся Богу: „Господи, убереги наш корабль от этого шторма. Прибыв в Медину, мы накормим бедных во имя Твоего возлюбленного Пророка“». Нума тут же собрал со всех присутствующих по одной пайсе. И все начали с жаром повторять то, что велела Бабаджан. Постепенно шторм утих, и они чудесным образом избегли, казалось бы, неминуемой гибели.

По прибытии в Мекку слух о чудесном спасении распространился, и собралось огромное количество людей, желавших получить личное благословение Бабаджан. В Каабе Бабаджан играла роль обычного паломника, пять раз в день читала молитвы в храме, а спустя несколько дней отправилась на север – в Медину. Там она во имя Мухаммада, Пророка всемирно милостивого Бога, раздала зерно беднякам.

Аджмер и Пуна

Где-то в 1904 году Бабаджан вернулась в Бомбей и вскоре направилась дальше на север Индии, в Аджмер, чтобы поклониться могиле суфийского кутба и-Иршада Муинуддина Чишти, ставшего родоначальником ислама в Индии. Из Аджмера она вернулась в Бомбей, а через небольшой промежуток времени отправилась на восток – в Пуна.

Поначалу в Пуне у Бабаджан не было никакого определенного места жительства. Она бродила среди военных барачков или скиталась по городу, была частой гостьей самых грязных трущоб. И хотя одежда ее была изорванной и грязной, ее сияющее лицо и зрелая красота привлекали к ней множество людей. Когда-то она была принцессой, а сейчас ее истинное величие стало безоговорочным – оно стало величием царицы.

Некоторое время спустя Бабаджан уже невозможно было застать в одиночестве – она постоянно была окружена толпой людей. У нее практически не было физических потребностей, ела она редко, однако очень любила чай. Когда ее последователи приносили ей одну чашку чая за другой, она тут же возвращала их в качестве *прасада*. Если кому-либо случилось принести цветы, она ругала человека за напрасную трату денег и говорила: «Почему ты не потратил свои деньги с умом? Можно было купить что-нибудь вроде конфет или чая, чтобы всем можно было этим пользоваться. Какой прок от этих цветов?»

Если взгляд Бабаджан случайно останавливался на проходившем мимо человеке, тот замирал на месте, уставившись в ее завораживающее лицо. Владельцы ресторанов и поставщики фруктов с удовольствием приглашали ее зайти к себе и предлагали все, что ей нравится. Если вдруг Бабаджан соглашалась, они считали, что им очень повезло – на них снизошла Божественная милость.

Когда Бабаджан ходила в район военных частей в Пуне, она часто посещала дом мусульманского часовщика по имени Шейх Имам. Мать Шейха, глядя на ее поношенное тряпье, предлагала ей искупаться и одеть новую одежду, но Бабаджан всегда отказывалась. Однажды, однако, она согласилась, и мать Шейха с большим трудом, терпением и нежностью вымыла ее старое тело и одела его в чистую новую одежду и белье, специально для него сшитое. Это была последняя ванна, принятая Бабаджан в своей жизни, но, несмотря на это, тело ее всегда оставалось благоуханным. Не имея постоянного места жительства, Бабаджан ночью спала где-нибудь на улице. Одно время она оставалась рядом с мусульманским храмом Вакадия Багх, а затем пошла сидеть к другому храму, Панч Пир в Дигхи. Возле этого храма было множество колоний муравьев. Эти муравьи в огромном количестве ползали по Бабаджан, кусая ее и оставляя большие рубцы на теле; она же при этом оставалась невозмутимой, словно ничего не происходило.

Чар Бавди

Однажды человек по имени Касам В. Рафай пришел в Дигхи. От вида покрытой муравьями Бабаджан из глаз его потекли слезы. С разрешения старой женщины Касам попытался снять муравьев, но у него ничего не вышло. Каким-то образом ему удалось уговорить Бабаджан пойти с ним к нему домой, где он с большим трудом, одного за другим, удалил с нее сотни крошечных насекомых. Во время этой болезненной процедуры Бабаджан не выказала ни малейшего признака дискомфорта.

После того как Бабаджан сменила в Пуне несколько мест, она поселилась под деревом ним, рядом с Бухари Шахской мечетью в Рафта Петхе. Вокруг Бабаджан начали собираться еще большие толпы, и пространство рядом с ней становилось все более ограниченным. Ее преданные последователи просили ее изменить место, но она строго отвечала: «Здесь есть один демон, и пока я от него не избавлюсь, не сдвинусь ни на дюйм».

Напротив выбранного ей места находилось большое дерево баньян, и когда муниципалитет срубил дерево, чтобы расширить дорогу, Бабаджан неожиданно решила покинуть свое прибежище. В течение двух недель ее можно было заметить неподалеку от заброшенной гробницы в районе Сваргейт, откуда она направилась в район под названием Чар Бавди (что значит «четыре колодца») по дороге Малколм Танк, где облюбовала себе новое дерево ним. На этом месте она оставалась много лет – до тех самых пор, пока тело не оставило свою земную оболочку.

Когда Бабаджан впервые приехала в Чар Бавди, там была только грязная дорога и несметное количество moskitov, которые, случалось в то время, были переносчиками чумы. В течение дня в Чар Бавди было тихо и пустынно, а ночью дорога оживала: это место было облюбованно ворами и самыми опасными городскими преступниками. Бабаджан продолжала сидеть под нимом как скала абсолютной Божественности в клубившейся вокруг нее пыли прискорбного невежества. Несколько месяцев она прожила безо всякой защиты, открытая всем ветрам и стихиям. И лишь позже неохотно позволила почитателям построить над ней навес из дерюжных мешков. Так она и оставалась под ним в любую погоду, позволяя пришедшим к ней насладиться вином ее постоянного Присутствия.

Окружение дерева ним

Несколько лет спустя в данной местности произошла удивительная перемена. Были построены большие современные здания, появились чайные магазины и рестораны, в дома провели электричество. Благодаря постоянному сидению Бабаджан под деревом ним, «Четыре Колодца» стали привлекательной областью, в которой хотелось жить и растить детей.

Никто не может остаться в тени, приближаясь к источнику света. Даже находясь за завесой, смотрящий чувствует эффект, производимый светом: пламя света сжигает саму завесу. Таким же был свет Бабаджан – в ней и вокруг нее. «Жилище» Бабаджан и окружавшие ее люди были ее королевским двором. Ей пели песни *кавали* (песни поклонения Персии и Урду), огромное множество людей приходили и кланялись ей как царице, воздух был напоен сладким запахом благовоний и ароматом цветов.

Однажды в 1919 году Бабаджан предупредила собравшуюся около нее большую группу людей: «Все должны немедленно отправиться домой. Уходите!» Люди подчинились ее требованиям, но никто не понимал, почему она так настойчиво их прогоняла. Вскоре по Пуне неожиданно пронесся страшный ураган с сильнейшим дождем, ставший причиной многих разрушений в городе. Преданные Бабаджан умоляли ее укрыться в их домах, но она отказывалась покинуть свое место под деревом и отсылала их прочь. Заботясь о безопасности других, сама она стойчески переносила яростную стихию.

Постепенно слава о Бабаджан распространялась все больше и больше. Мусульмане, индуисты, зороастрийцы из различных мест приезжали к ней за даршаном. Чар Бавди стал святым паломническим местом, где вино опьяненности Богом проливалось на искренне ищущих. После встречи с этой старой женщиной сердце человека переполнялось умиротворением и благодарностью. Число почитателей увеличивалось день ото дня, тысячи людей по всей Индии почитали Бабаджан и прославляли ее.

Военным властям Британии не нравилось, что дорога рядом с Бабаджан была постоянно заблокирована непрекращающимся движением по ней большого количества людей. Тем не менее власти ничего не могли поделать, поскольку понимали, что, если убрать Бабаджан с ее места насильно, поднимется бунт, подавить который будет очень непросто. Стало очевидно, что нужно построить для нее крепкое постоянное жилище. Британские военные выделили для этого средства, но когда постройка была закончена, Бабаджан отказалась вселяться в нее, поскольку та находилась в нескольких футах от ее дерева. Городским властям пришлось за свой счет расширить постройку так, чтобы она включала и то место, где сидела Бабаджан. Она снова отказалась. Когда почитатели стали умолять ее принять приглашение, она, наконец, согласилась с ворчанием и сетованием на то, что это было не совсем правильно.

Царь-дервиш

Природа Бабаджан была величественной. Она была царем, одетым в лохмотья дервиша. Несмотря на то, что ей было где-то между 120 и 130 годами, ее морщинистое лицо по-прежнему напоминало цветущую розу, а каре-голубые глаза приковывали к себе взгляд. Говорят, иных ее взгляд сводил с ума – они начинали терять голову в любви к Всевышнему! Возраст несколько иссушил и согнул ее тело, но походка ее оставалась походкой человека, опьяненного Богом. У нее была все еще белая кожа, глубокие, словно вырезанные, морщинки, корона мягких волос, белоснежными кудрями опадавших на плечи. Голос ее был необычно нежным и ласкал слух. Она никогда ничего не просила, хотя жила как нищая: из личного имущества у нее было только то, что было на ней. В жизни на улице она сроднилась с пылью дорог, и никто и не подозревал, что рождена она была принцессой и по собственной инициативе отказалась от положенного ей наследства. Вместо него она обрела бесценное богатство не от сего мира. Всем своим божественным наследством – упоенностью высшими состояниями, совершенным постижением – она делилась с миром.

Зимой и летом Бабаджан носила свободные белые хлопчатобумажные брюки и длинную белую рубаху. На ее плечах всегда лежала шаль – кроме этих незамысловатых предметов ее облачения, другой защиты от непогоды у нее не было. Она всегда ходила с непокрытой головой, волосы никогда не мыла, не смазывала маслом и не расчесывала. Когда она слушала песнопения во славу Всевышнего, ее тело обычно раскачивалось в такт мелодии. Физическое состояние Бабаджан менялось очень быстро. В один день у нее могла быть высокая температура, а на следующий – безо всяких лекарств она была здоровой.

Каждого проходящего к ней человека, будь то старый или молодой, мужчина или женщина, она называла «дитя» или «отец». Если кто-либо звал ее «Маи» (Мать), она корчила гримасу и строго выговаривала: «Я мужчина, а не женщина». Это странное ее заявление подтверждало слова пророка Мухаммада, говорившего: «Женщина любит мир, евнух любит рай, а мужчина любит Бога». Поэтому люди с любовью называли ее «Амма Сахиб», что означает одновременно «мать» и «господин».

«Амма Сахиб»

Бабаджан была известна своими чудесами. Она была целителем в своей особенной манере. Если к ней подходил за исцелением какой-нибудь больной человек, она обычно говорила: «Это дитя страдает от пилюль». Под пилюлями она имела в виду, что человек страдает от *самскар* совершенных им действий. Бабаджан обычно бралась за больную область человека и неким таинственным образом звала его душу. Затем она встряхивала больное место дважды или трижды и велела причине – *самскар* – уйти. Этот метод неизменно избавлял больного от его проблемы. Однажды к Бабаджан привели ребенка, полностью потерявшего зрение. Она взяла ребенка на руки, пробормотала какие-то заклинания и затем резко выдохнула на глаза ребенка. В тот же момент зрение восстановилось, и мальчик вскочил с ее колен с радостными криками: «Я вижу! Я вижу!»

Бабаджан жила, как нищий, бездомный дервиш, на улице, но люди, желавшие выказать ей свое почтение, дарили ей дорогую одежду и ювелирные изделия. Бабаджан была равнодушна к материальным подношениям, чего нельзя сказать о ворах. Они крали ее подарки, а некоторые даже умудрялись делать это под ее наблюдением. Бабаджан никогда не пыталась их остановить.

Совершенные пути Учителя

Как-то раз почитатель из Бомбея принес Бабаджан два дорогих золотых браслета и, поклонившись, одел их ей на запястье. Мужчина сказал ей, что благодаря ее благословиению, полученному в прошлый раз, исполнилось несколько его мирских желаний, и вот в знак благодарности он принес ей этот подарок. Мужчина понятия не имел о том, что Бабаджан равнодушна к подобным вещам. Вскоре после этого, ночью, вор подкрался к Бабаджан со спины и сорвал браслеты с рук так грубо, что на запястьях остались кровавые следы. Грабитель попытался быстро скрыться, но свидетели происшествия, находившиеся неподалеку, стали звать на помощь. На их крики пришел полицейский и начал выяснять, из – за чего поднялся шум. Но что сделала Бабаджан? Старая женщина заставила толпу застыть в изумлении, когда она подняла свою палку и воскликнула: «Арестуйте этих крикливых людей. Это они мне мешают. Заберите их!»

Бабаджан редко можно было видеть за едой. Был назначен специальный человек, в чьи обязанности входило служить ей и заботиться о ее личных нуждах. Он был с хорошим чувством юмора и каждый раз, когда предлагал Бабаджан поесть, в шутку говорил: «Амма Сахиб, заплатка готова». Речь шла о постоянных протестах Бабаджан, которая считала, что есть – это все равно, что ставить заплатку на разорвавшуюся одежду, то есть латать старую ткань тела.

Бабаджан обычно постоянно бормотала кажущиеся бессвязными фразы, например: «Паразиты без конца беспокоят меня. Я счищаю их, но они собираются снова». Затем она начинала активно чистить себя, словно удаляя пыль или паутину.

У таких совершенных Учителей, как Бабаджан, есть свой собственный внутренний способ исполнения своей миссии. Например, однажды вечером в городе Талегаон, расположенном в двадцати милях от Пуны, в местном театре давали представление. Народу было очень много, театр был полон под завязку. Все места были распроданы, и дирекция театра заперла двери, чтобы ограничить доступ в зал. Во время представления возник пожар, и, поскольку двери были заперты, люди запаниковали. В это же время в Пуне что-то странное творилось с Бабаджан. Она в волнении начала быстро ходить взад-вперед, сердито и взволнованно восклицая: «Огонь! Огонь! Двери заперты, и люди могут сгореть. Проклятый огонь! Погасите!» Люди, находящиеся рядом с Бабаджан, не понимали, что происходит. А в это время в Талегаоне, как потом рассказывали, двери театра неожиданно распахнулись настежь, и паникующая толпа вывалилась наружу, избежав ужасной трагедии.

Пути совершенных Учителей уникальны, безграничность их духовной работы находится за пределами рационального человеческого понимания. Одним из примеров этого является следующий случай. Хотя Бабаджан терпеть не могла подарки в виде ювелирных украшений, она тем не менее носила на пальцах тугие, яркие кольца, которые никогда не снимала. Одно из колец так пережало палец, что он начал опухать, и образовалась глубокая ранка. По этой ранке туда-сюда начали ползать личинки насекомых. Когда червячки падали с ранки, она их подбирала и снова сажала на ранку со словами: «Дети мои, кушайте и чувствуйте себя как дома». Естественно, люди хотели отвести ее к врачу, но она упорно отказывалась, не соглашаясь даже на визит доктора к ней. Соответственно, развилась гангрена, палец отсох и отвалился. Рана на руке зажила, но, наблюдая происходящее, люди в ее окружении плакали, а старая женщина ругала их: «Что вы плачете? Мне нравятся страдания».

Бабаджан была щедра по отношению к больным и обездоленным. Если рядом с ней оказывался голодный человек, она отдавала ему свою еду; если зимой к ней подходил замерзший человек, она отдавала ему свою шаль. Но однажды имело место исключение в проявлении ее щедрости. Как-то ночью было особенно холодно, и к ней, жалобно дрожа, пришел

сильно простуженный старик. У него был жар, он умолял Бабаджан исцелить его пристальным взглядом. Однако старая женщина пришла в ярость, сердито сорвала с его плеч накинутое одеяло, служившее единственной защитой от холода, и после этого перестала обращать на него внимание. Старик тихо сел и просидел так всю ночь рядом с Бабаджан. К утру он неожиданно почувствовал большой прилив сил и выглядел вполне здоровым. Счастливым и полностью выздоровевшим он покинул место ночлега.

Бабаджан обычно говорила на пушту или персидском языке и часто называла имена персидских поэтов Хваджи Мухаммада Шамсуддина Хафиза-и-Ширази и Амира Хусрова. Она часто их цитировала:

«Хотя ученых мужей миллионы,
А мудрецов тысячи,
Только Богу известны
Его Собственные пути!»

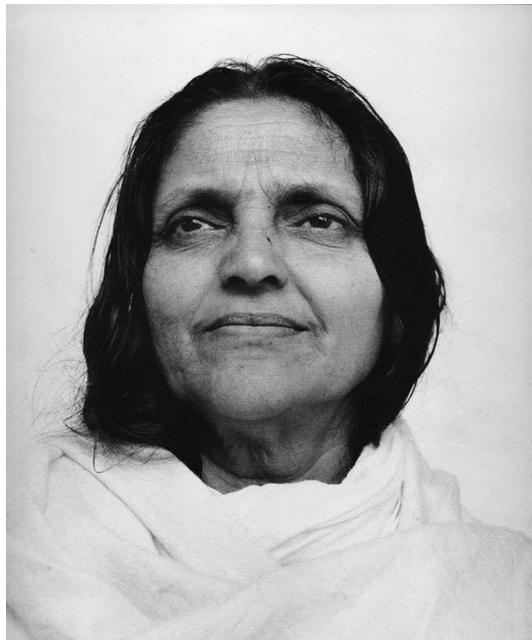
«Прекрасно Твое творение, Боже!
Прекрасна Твоя игра!
Ты полил маслом жасмина
Голову строптивой!»

21 сентября 1931 года, в 4:27 по полудню, Хазрат Бабаджан оставила свое тело. Слезы рекой потекли по Пуне, сумрак навис над городом, словно тучи превратились в ее шаль. Тысячи людей присоединились к похоронной процессии, провожая ее в последний путь по улицам города. Бабаджан была похоронена под тем же деревом ним, где она сидела на протяжении стольких последних лет. Могила Хазрат Бабаджан стала святыней, и каждый день здесь можно наблюдать нескончаемый поток желающих поклониться ей.



Хазрат Бабаджан сидит под деревом ним в Пуне. Говорят, она бросила в фотографа камнем и, попав по камере, разбила линзу, но фотография не пострадала

Анандамайи Ма



Шри Анандамайи Ма (1896–1982) «Мать, исполненная блаженства»

Шри Шри Анандамайи Ма – «Мать, исполненная блаженства» – одна из самых любимых индийских святых всех времен. Парамаханса Йогананда (1893–1952 гг.) – известный йогин, оказавший огромное влияние на духовный мир Запада, однажды попросил Анандамайи Ма рассказать о своей жизни. Ответ Анандамайи Ма, простой и исчерпывающий одновременно, указывает на полное ее отождествление с неизменным абсолютным Бытием:

«Отец, мне почти нечего рассказывать. Мое сознание никогда не отождествляло себя с этим временным телом. Перед приходом на эту землю, отец, я была тем же Самым; маленькой девочкой я оставалась тем же Самым. И когда семья, в которой я родилась, устроила замужество этого тела, я была тем же Самым. И вот, отец, сейчас я перед вами – то же Самое. И впоследствии, даже если танец творения вокруг меня превратится в обитель Вечного, я буду тем же Самым».

С раннего детства Анандамайи Ма, тогда еще маленькая девочка Нирмала Сундари из деревни Кхеора в восточной Бенгалии, поражала удивительными способностями: она полностью осознавала свое окружение практически с момента своего рождения 30 апреля 1896 года. Она была вторым ребенком в чрезвычайно набожной, благочестивой, но бедной семье брахманов. (Первая их дочь умерла в младенчестве, трое сыновей затем также умерли в детском возрасте.) С самых ранних лет люди называли ее «матерью улыбок» (Хаси Ма) или «счастливой матерью» (Кхусир Ма). Перед рождением Анандамайи Ма ее матери часто снились чудесные сны, в которых были боги и богини, что обычно означает присутствие *махатмы* – Великой Души.

При рождении девочка не плакала и весь период детства была чрезвычайно спокойной и миролюбивой. Время от времени она входила в трансовые состояния, по всей видимости, испытывая переживание *самадхи* – свободной от мыслей поглощенности в Боге. Также она с любовью беседовала с растениями и невидимыми небесными существами. Ма любила всех живых созданий матери-природы и не ела ни мяса, ни рыбы. И хотя по причине заня-

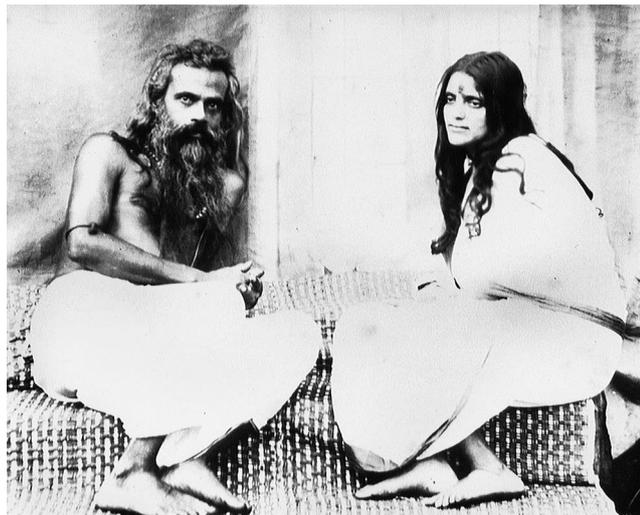
тости домашними делами и уходом за болезненными братьями она всего два года отучилась в начальной школе, по жизни ее отличал острый ум, хорошая память и мастерство в выполнении различных задач.

На тринадцатом году жизни Анандамайи Ма выдали замуж за приятного молодого человека по имени Бхоланатх (Рамани Мохан Чакраварти). Поскольку постоянной работы у него не было и ему часто приходилось бывать в разъездах, еще год она оставалась в доме у своих родителей, а затем еще четыре года жила у его старшего брата и невестки. Новые родственники были очарованы ее приветливостью и смирением, а также тем, как ловко и легко она справлялась с домашними делами. Иногда во время исполнения этих обязанностей она впадала в транс, погрузившись в самадхи – родственники приписывали его крайней степени недосыпания.

Анандамайи Ма так описывает свой ранний период жизни с семьей и мужем:

«Это тело жило с отцом, матерью, мужем и остальными [родственниками]. Оно обслуживало мужа, поэтому ты можешь назвать это тело женой. Оно готовило для всех, поэтому ты можешь назвать это тело кухаркой. Оно занималось уборкой и всевозможной черной работой, поэтому ты можешь назвать это тело служанкой. Но если согласишься на все это с другой перспективы, осознаешь, что это тело служило никому иному, как Богу. Обслуживая отца, мать, мужа и других, я просто считала их различными проявлениями Всемогущего и служила им как таковым. Готовя еду, я делала это так, как если бы это был священный ритуал – готовка еды была только для Бога. Что бы я ни делала, все это было служением Божественному. Я не была мирской, хотя всегда занималась домашними делами. Моим идеалом было – служить всему как Богу, делать все только ради Него».

В 1914 году Ма, которой в ту пору исполнилось 18 лет, переехала жить к мужу в Астаграму в Восточную Бенгалию. Супружеских отношений у них никогда не было: однажды Бхоланатх подошел к Ма с намерением исполнить свой супружеский долг, но мощный разряд электрического тока пронзил его тело – он воспринял это как знак того, что время еще не пришло. Тогда же, в Астаграме, брат владельца квартиры стал относиться к Ма как к духовной матери и святой. Примерно в это же время один из друзей Бхоланатха также начал делать простирания перед Ма, называя ее «богиней Дургой». Однажды вечером во время публичного *киртана* (воспевания имен и славы Бога) Ма вошла в глубокий транс, и это еще более укрепило людей в их мнении относительно ее неординарных духовных способностей.



Анандамайи Ма со своим мужем Бхоланатхом

В 1916 году Ма серьезно заболела и вернулась домой к родителям. С Бхоланатхом они воссоединились два года спустя в Баджитпуре округа Мименсингх в Восточной Бенгалии. Здесь у Ма начались спонтанные разнообразные йоговские проявления. Она никогда ни к чему не стремилась, у нее никогда не было гуру, она никогда не обращалась ни к каким учениям или книгам по йоге. Просто бывало так, что через Ма по ночам, когда все домашние дела были выполнены самым совершенным образом, внутреннее руководство проявляло древние санскритские тексты и священные мантры, о которых она никогда прежде не слышала. Оно проявляло также образы различных аспектов Бога. Более того, тело Ма спонтанно принимало очень сложные асаны хатха-йоги, недоступные обычным людям, не имевшим за спиной многих лет усердных тренировок. Когда ее спрашивали, кто или что есть ее внутренний учитель, она отвечала: «Твоя Шакти (Божественная Сила)». Именно тогда ей открылось: «Ты есть все», после чего, по ее словам, она осознала, что «вся Вселенная – Мое собственное проявление... Я встретила непосредственно с Единым, проявленным как множественное». Она осознала свою Божественную Суть, проявленную во всем сущем.

Это было время, когда Ма исцеляла людей от любых болезней простым касанием. Вскоре не только благоговеющий Бхоланатх, но и другие люди стали становиться свидетелями ее мистических состояний, при которых ее губы сами произносили мантры и духовные стихи. Как это часто случается, даже в Индии, которую в вопросах религии обычно считают очень «толерантной» страной, Ма была заподозрена в одержимости злыми духами, и потому на помощь были призваны экзорцисты. Однако у них ничего не вышло. Один из них даже упал от приступа жесточайшей боли и лежал на полу до тех пор, пока Ма не облегчила его страдания. Наконец известный врач объявил, что Ма не была ни сумасшедшей, ни одержимой – она была «опьяненной Богом».



В полночь 3 августа 1922 года, в полнолуние, Нирмала Сундари совершила духовную самоинициацию – она сама была *гуру, мантрой и иштой* (избранным божеством). Ей было 26 лет. В следующие пять месяцев ее садхана стала более сосредоточенной и включала в себя произнесение слога *Ом* и рецитацию мантр на санскрите, хотя она не знала прежде ни этих мантр, ни санскрита.

Такое беспрецедентное самопосвящение повергло в шок одну из двоюродных сестер Ма, поскольку таким образом Ма поставила себя выше своего мужа, не получившего посвящения. Ма пообещала сестре, что Бхоланатх скоро тоже будет инициирован. Прошло немного времени – пять месяцев – и Ма снова пошла вразрез с традициями, лично дав посвящение в мантру своему мужу и погрузив его на два часа в глубочайший транс. Во время посвящения Ма точно следовала предписаниям, указанным в старинных текстах, хотя никогда их не изучала. Именно тогда она объявила Бхоланатху и известному астрологу-ученому, что она есть не что иное, как Абсолютное Необусловленное Бытие – Пурна Брахма Нараяни! На повторный вопрос Бхоланатха, кто же она, ее губы произнесли – Махадэви. Во время этого поразительного заявления она светилась необыкновенным светом. Легко представить, насколько был очарован своей прекрасной женой Бхоланатх, задаваясь вопросом: «Кто *на самом деле* эта женщина?»



Духовная сила Ма все более возрастала: она часто наслаждалась видениями разных форм Бога, осознавая свою полную тождественность с их сущью. Она не обращала внима-

ния на свое тело, практически ничего не ела и едва ли спала. После инициации Бхоланатха она на три года погрузилась в молчание, лишь изредка прерывая его для того, чтобы утешить кого-либо в горе или передать какое-нибудь срочное сообщение. К концу этого периода они переехали в Дакку, где Бхоланатх работал управляющим в садах Шах-Багх. Пошли слухи о том, что Ма – святая. Ее первые почитатели – люди высокого социального статуса – приходили к ней, практически необразованной 28-летней женщине, чтобы ощутить ни с чем не сравнимый подъем духа, покой и глубину, которые они неизменно испытывали в ее присутствии. Во время жизни в Шах-Багх Ма часто погружалась в самадхи. Длительность его иногда доходила до двенадцати часов. Во время этих периодов поглощенности Богом из-за внутренней интенсивности божественного сознания, проявляющегося через нее, лицо ее становилось почти пунцовым, но при этом каждая клеточка ее тела светилась неземным светом. В 1930 году, будучи в Рамне, Ма находилась в *нирвикальпа самадхи* (состоянии, в котором происходит полное растворение внимания в бесформенной Реальности) в течение четырех или пяти дней. Окружающие даже забеспокоились, что она отошла в мир иной.

Родители Ма, Бхоланатх и овдовевшая жена брата стали жить вместе с Ма, заботясь о ней и помогая утвердиться в этом мире. В Сиддхешвари, священном месте в лесной части Дакки, Ма нашла древний заброшенный и почти полностью недоступный для людей храм, посвященный Богине Кали Ма. Начиная с сентября 1924 года, она стала часто оставаться там на ночь, и в 1928 году там был построен для нее ашрам. Год спустя в Рамне был построен ашрам побольше, так как число людей, желавших видеть Ма, постоянно росло. Это были первые два из нескольких десятков ашрамов, построенных последователями Ма по всей Индии.

В октябре 1925 года у Ма закончился период молчания, и она начала беседовать с людьми, приходившими в ее маленький дом получить *даршан* (увидеть святого человека).



Среди ее посетителей было много мусульман. Им нравилось, что в их присутствии она выражает свою любовь к Богу так, как это принято в их традиции. Конечно, Бхоланатх находился в затруднительном положении, позволяя своей жене игнорировать индуистские традиции и открыто общаться с другими людьми, давать им советы – особенно если это были ее почитатели-мужчины. «Идеальную» индийскую жену должно было быть видно, но не слышно. Также, в нарушение всех традиций, позже он отпускал ее путешествовать по всей

Индии без него (обычно в сопровождении какого-нибудь из ее почитателей более старшего возраста). В те дни почтенные индийские женщины никогда не путешествовали по Индии без своих мужей.

Во время своего первого публичного появления в конце 1925 года, совершая ритуал поклонения (*пуджу*) богине Кали, Ма бессознательно надела предназначавшийся богине венок себе на голову и нанесла сандаловую пасту вместо *мурти* Кали на свое собственное тело. Присутствовавшие во время церемонии люди были очарованы аурой святости, окружавшей Ма, а также, вероятно, ее красотой: Ма была необыкновенно привлекательной женщиной, довольно высокой, прекрасно сложенной, с совершенными пропорциями лица, огромными, глубокими, широко расставленными карими глазами, пухлыми губами и роскошными черными волосами. В действительности многие индийские женщины подошли бы под это описание, но только у Ма был тот особенный мистический взгляд, та неповторимая, не сходящая с губ полуулыбка и, самое главное, та безмолвная духовная сила, что так завораживала тех, кто находился с ней рядом.

Несть числа людям, приходившим к Ма за исцелением. Очень многих она вылечила, но нередко давала понять, что не всем нужно избавляться от своих болезней – вместо этого им следовало искать реализации Бога.

Чтобы исцелить других, она наносила раны себе на тело или брала на себя чужие страдания. Таких случаев было несметное количество. Так, вернувшись в Баджитпур, она исцелила Бхоланатха от смертельной холеры, пожертвовав при этом собственными ногтями. Также часты были случаи, когда мольбы страдающих людей, обращенные к Ма, достигали ее через третьих лиц, и им становилось легче. Многие люди видели ее в своих снах и чувствовали ее помощь в горе или болезни.



Бхайджи, Анандамаи Ма и Бхоланатх

Однажды ночью Ма, совершавшая паломничество по святым местам, спасла жизнь Джьотишу Чандра Рою, известному впоследствии как Бхайджи («дорогой брат»), во время опасной вспышки туберкулеза, находясь в сотнях миль от него. Именно Бхайджи уговорил Бхоланатха дать ей имя «Анандамаи Ма», что означает «Мать, исполненная блаженства». Бхайджи написал раннюю биографию Ма, в которой содержится точное описание ее мистических состояний и, больше того, личные рассказы Ма о происходящих в ней внутренних процессах. Бхайджи стал главным доверенным лицом и защитником Ма и ее мужа перед обществом. Он также всегда выступал инициатором и организатором ежегодных празднований ее дня рождения, что давало возможность бесчисленному множеству почитателей собираться и проводить дни и даже недели в духовном единении и радостном общении.

Во время *киртана* в январе 1926 года тело Ма впервые публично продемонстрировало удивительные трансформации, которые позже происходили с ним во множестве подобных случаев. Вскоре по просьбе Ма публичные *киртаны* стали проводиться каждый вечер. Во время этих религиозных песнопений люди часто становились свидетелями ее особенных возвышенных состояний. Вот описание происходящего во время одного из *киртанов*:

«Люди собрались в Шах-Багхе, чтобы исполнить *киртан* в присутствии Матаджи. Она села с женщинами в круглой комнате. Внезапно ее тело начало раскачиваться. Глаза закрылись, и все ее тело начало двигаться в ритме с *нама-киртаном*. Матаджи поднялась, продолжая раскачиваться, и стала перемещаться по всей комнате, как бы пребывая в состоянии опьяненности. Казалось, она покинула тело и некая невидимая сила стала управлять движениями его – невесомого, словно сухой лист, отданный на волю ветра. Глаза ее были направлены вверх и не мигали, лицо сияло неземным светом, а тело покраснело. Внезапно она села на пол, выпрямившись, продолжая двигаться словно охваченная ветром. Затем тело ее стало недвижимым, глаза закрылись, и она начала петь, сначала тихо и затем все громче:

Харе Мураре Мадху Каитабхаре
Гопала Говинде Мукунда Сауре.

Повторяя вновь и вновь только эту шлоку. О как прекрасен был этот голос!

...Мы убедились в то время, что ее телом играют божественные силы и именно они заставляют его принимать в танце множество прекрасных поз... Казалось, хрупкое ее обрамление вобрало в себя все возможные самопроявляющиеся выражения божественного состояния, демонстрирующие с помощью несчетного количества грациозных и ритмичных движений все мыслимые и немыслимые оттенки красоты Бесконечного... При этом она казалась совершенно отрешенной.

...Во время танца она как бы пребывала далеко, не затрагиваемая движениями ее тела. Она сказала нам: «Это тело стало испускать сияние света такой интенсивности, что пространство вокруг озарилось. Этот свет стал распространяться, охватывая всю Вселенную».

Места, на которых она сидела или лежала, становились крайне горячими.

Она могла сидеть в одной позе несколько часов подряд без малейшего движения и замолкать посреди фразы. В этом состоянии она была неподвижна как статуя, ее глаза, направленные вверх, не моргали.

Она не чувствовала ни голода, ни жажды, ни холода, ни жары».

А это описание одной из ее *бхав*:

«Различные виды йогических *крий* стали проявляться через ее тело. Оно приняло гневную позу с направленными вверх глазами, как если бы она держала в руках меч и с кем-то сражалась. В этом состоянии ее язык высунулся на несколько секунд. Затем состояние ее изменилось. Теперь через нее проявлялся аспект совершенной безмятежности. Затем, казалось,

она начала поклонение – поклонение самой Себе. Она прикасалась лбом к своим стопам, совершая простираие, и замирала вновь. После чего стала быстро перекатываться по полу и вытянулась на спине в полной неподвижности. Ее дыхание было таким, как если бы волны ходили через ее тело от пупка до горла. И вновь ее тело стало совершенно неподвижным. Оно стало холодным, как камень, из глаз потекли слезы, а изо рта – слюна. Затем внезапно тело ее стало безжизненным, без признаков дыхания и биения сердца, пальцы и ногти почернели, а лицо стало желтым, как у трупа...»

В дальнейшем Ма еще не раз демонстрировала необычные способности, которые часто проявлялись у нее после долгого пребывания в *самадхи*. Однажды в Сиддхешвари она села на алтарь, и ее тело начало сжиматься. Оно сжималось до тех пор, пока не исчезло совсем – на алтаре остался лишь кусок материи от ее *сары*! Постепенно ее тело появилось снова и приобрело прежние размеры.



Как-то она присоединилась к смеющимся детям и смеялась больше часа кряду! А другой раз, перед отъездом, она проплакала со своими почитателями с полудня до самого вечера. Раскрывая природу Ма, Бхаиджи пишет:

«У Матери нет желаний, у нее нет „нравящегося“ и „ненравящегося“. В любом ее слове и выражении, в каждом взгляде и жесте царствует такая сладостность, какой не встретишь больше нигде на свете. Ее тело постоянно источает божественный аромат, этот аромат присутствует в каждом ее вдохе и выдохе, он исходит от ее одежды и постельных принадлежностей».

Примерно в 1924 году Ма потеряла способность есть самостоятельно. Ее пальцы просто стали неспособными удерживать еду. С тех пор кто-то из окружения всегда кормил ее с рук – если она вообще что-либо ела. Конечно же, возможность покормить Ма, пусть даже совсем чуть-чуть, совершенно не обременяла ее друзей. Они были рады воспользоваться шансом приблизиться к этой Богине Любви, в течение очень долгого времени не позволявшей никому склоняться перед ней и касаться ее стоп, как это принято делать, выражая почтение святым. Часто в течение длительного времени Ма не принимала никакой пищи вообще. Однажды она отказалась от еды и питья на двадцать три дня. В другой раз в течение полу-

года она ела только два-три зернышка риса в день и два-три спелых фрукта, которые сами упали с дерева – при этом внутренним видением Ма всегда точно определяла, действительно ли фрукт был поднят с земли. Был еще период в восемь месяцев, когда она лишь трижды проглатывала чуть-чуть риса днем и трижды вечером и больше ничего не ела. Еще были пять месяцев, в течение которых она ела лишь очень небольшое количество риса дважды в неделю.

Случалось также, что, уступив настоятельным просьбам почитателей, Ма начинала есть много – тогда она съедала невероятно огромное количество пищи абсолютно безо всякого вреда для своего организма! Однажды она съела 60 или 70 жареных лепешек с овощами, которые запила огромным кувшином рисового молока; в другой раз она съела пудинг, приготовленный из 40 фунтов молока. Ма просто показывала, что на определенной стадии духовного развития человеку может понадобиться гораздо меньше пищи, чем обычно, а огромное количество съеденной пищи может быть без труда трансформировано в чистую энергию.

Ма также выступала против того, чтобы запасаться продуктами. Однажды она опустошила набитую продуктами комнату своего знакомого, раздав все ее содержимое бедным людям. И хотя она почти ничего не ела сама, одним из самых приятных занятий для Ма было кормить других.

В начале 1926 года доктор Шашанка Мохан Мухопадхья (позже известный как Свами Акхандананда) и его дочь Кхукни, называемая Диди («старшая сестра»), вошли во внутренний круг постоянно увеличивающейся духовной семьи Ма в Дакке. Они оба стали выдающимися йогинами, и именно Диди, позже известная как Гуруприя Дэви, собрала 17 томов, написанных на бенгали, и 19 томов на хинди, описывающих жизненный путь Ма, ее *лилы* (божественные игры). Диди также основала в 1950 году Шри Шри Анандамайи Сангху – организацию, управляющую всеми ашрамами Ма и двумя ее образовательными институтами (большим сообществом сестер – для незамужних женщин, и менее многочисленным братством мужчин), публиковала книги и журнал о Ма, устраивала празднования и ежегодные недельные лагеря для духовно ищущих (Самьяма Саптаха Махаврата), в которых участвовали тысячи людей.

Период необычных йогических проявлений Ма практически закончился к концу 1926 года, хотя чудеса иногда по-прежнему случались. Примерно в это же время у Ма начался период «путешествий и наставлений». С простотой и мудростью она учила людей индийской философии *веданты* в ее недвойственной форме (*адвайте*), которая утверждает что Бог – это единственно существующая Реальность. Чтобы пробудить своих слушателей к Богореализации, она указывала на равно незатрагиваемое как болью, так и удовольствием и в зависимости от склонностей человека предлагала либо путь преданности Богу (*бхакти*), предписывающий постоянно помнить выбранное Имя и Форму Возлюбленного, либо путь мудрости (*джняна*), основанный на разотождествлении, самоисследовании и глубинных прозрениях. Ма всегда давала учение в соответствии с потребностями и способностями своих слушателей и часто рассматривала тот или иной вопрос с различных сторон, стараясь осветить его во всей полноте. Это приводило ко многим удивительным выводам. Ма демонстрировала поразительное и точное знание метафор, умело использовала игру слов и была прекрасным рассказчиком, несмотря на то, что едва ли закончила два класса начальной школы.

В 1926 году произошло первое событие, положившее начало непрерывному, длиною в жизнь, путешествию Ма по северной и центральной частям Индии. В мае 1926 года Ма посетила святы места в Деогхаре в штате Бихар и подружилась там с местным святым. Он первым из многих сотен индийских мудрецов стал почитать ее как воплощение Божественной Матери. В начале 1927 года Ма и сопровождавшие ее почитатели прибыли в штат Уттар Прадеш с целью посетить священные паломнические центры Ришикеша и Харидвара, расположенные в подножии священных Гималайских гор. В июле того же года, подчиняясь

внутреннему руководству, Ма отправилась в Виндхьякал штата Уттар Прадеш – место, которое, как она чувствовала, имело важное сакральное значение в древней Индии. Ее мнение было доведено до сведения городских властей, и раскопки, проведенные по их распоряжению, подтвердили ее правоту. Вскоре на том месте был возведен ашрам.

В сентябре 1928 года она посетила священный город Варанаси, где на встречу с ней пришли толпы людей.

В декабре 1928 года, пока Бхоланатх в течение нескольких месяцев медитировал в уединенном месте по велению Ма, она в сопровождении Бхаиджи путешествовала по различным районам Северной Индии. Вскоре после возвращения из поездки божественная воля сделала ее неспособной держать в руках предметы кухонной утвари, и потому с ролью домохозяйки было навсегда покончено во имя полной вовлеченности в дело помощи людям на их пути к Богу. Примерно в это же время ведущие философы академического сообщества, участвовавшие в конгрессе в Дакке, пришли к Ма и стали задавать ей очень сложные, каверзные вопросы, касающиеся духовности. Не трудно предположить, что, услышав ее простые, но мудрые ответы и буквально физически ощутив идущую от нее благодать, они стали ее почитателями. В августе 1930 года Ма предприняла первое из шести своих путешествий в южную Индию, где огромное множество людей приняло ее с величайшим почтением.

Самым главным и удивительным в жизни Ма было ее абсолютное доверие внутреннему спонтанному руководству – *кхейле*, «Божественной воле». И только *кхейлой* можно было объяснить, почему именно с этим человеком Ма встречалась, занималась им или исцеляла его. Сколько раз бывало, Ма срывалась с места, садилась в поезд и отправлялась невесть куда, несмотря на то, что ей приходилось оставлять людей, специально пришедших к ней на запланированную встречу. Обычно она оказывалась гораздо более нужной в том месте, куда ее вела *кхейла*. При этом Ма обладала духовной силой, позволявшей ей убедить своих почитателей в Ее вездесущести: «Я никуда не уйду; Я всегда остаюсь в Том же месте», «Почему вы говорите, что Я вас покидаю? Почему вы хотите оттолкнуть Меня? Я всегда с вами», «Я всегда с вами со всеми... Будьте уверены, Я всегда наблюдаю за вами».

Вечером 2 июня 1932 года, вскоре после продолжавшегося в течение двадцати одного дня празднования тридцатилетия Ма, *кхейла* совершила драматический поворот в ее жизни. К величайшему изумлению и огорчению почитателей, Ма решила уехать из Дакки, велев своим последователям оставаться на месте и вести духовную жизнь до тех пор, пока она не придет навестить их снова. Она взяла с собой Бхоланатха и Бхаиджи, несмотря на ослабленное туберкулезом здоровье последнего, изрядно колебавшегося, но решившегося все же оставить семью и последовать за Ма. По настоянию Ма все вместе они сели в первый прибывший на станцию Дакка поезд и поехали до конечной станции, находящейся в сотнях миль от города. Затем проделали то же самое на следующем поезде, затем еще на одном, и еще, и еще... пока не прибыли 7 июня в город Дехрадун, к подножию Гималаев.

На следующий день путешественники обосновались в полузаброшенном домике для гостей в маленьком лесном храме Шивы, в четырех милях от города Райпура. Здесь в течение последующих тринадцати месяцев Бхоланатх и Бхаиджи занимались духовными практиками, а Ма почти все время лежала неподвижно на полу в их маленькой комнате в состоянии глубокого *самадхи*. Время от времени она выходила из *самадхи*, чтобы дать им дальнейшие указания, побродить по саду и встретиться с кем-нибудь из любопытных посетителей, направленных рукой судьбы через джунгли на встречу с ней.

Одним из таких счастливых оказался безутешный вдовец Хари Рам Джоши, пришедший повидаться с Ма в марте 1933 года. Исцеленный ее молчаливым благостным присутствием, он сразу же стал одним из самых преданных ее учеников. Он рассказал о ней многим знатым людям Индии, с которыми был хорошо знаком, и тем самым прославил ее имя в среде людей, говорящих на хинди. Сама Ма быстро выучилась этому языку, и именно здесь,

в различных ашрамах говорящего на хинди штата Уттар Прадеш, она провела следующие пятьдесят лет. Ма поселилась в пристройке храма в Манохаре в Ананда Чоуке, неподалеку от Дехрадуна. Это место превратилось в новый Шах-Багх, где начали проходить постоянные *сатсанги* с участием большого количества людей и куда, невзирая на языковой барьер, приходили даже кашмирцы. Всех притягивала атмосфера радости и безмятежности, излучаемая Ма, а также ощущение духовного празднования, явственно переживаемое всякий раз, когда Ма с ее почитателями собирались вместе. Люди посещали Ма с раннего утра до поздней ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.